

S/2v
4345
19.11

220-434.5.19.11

Harvard College Library

FROM THE

GEORGE B. SOHIER PRIZE FUND

"The surplus each year over and above what shall be
required for the prize shall be expended
for books for the library"

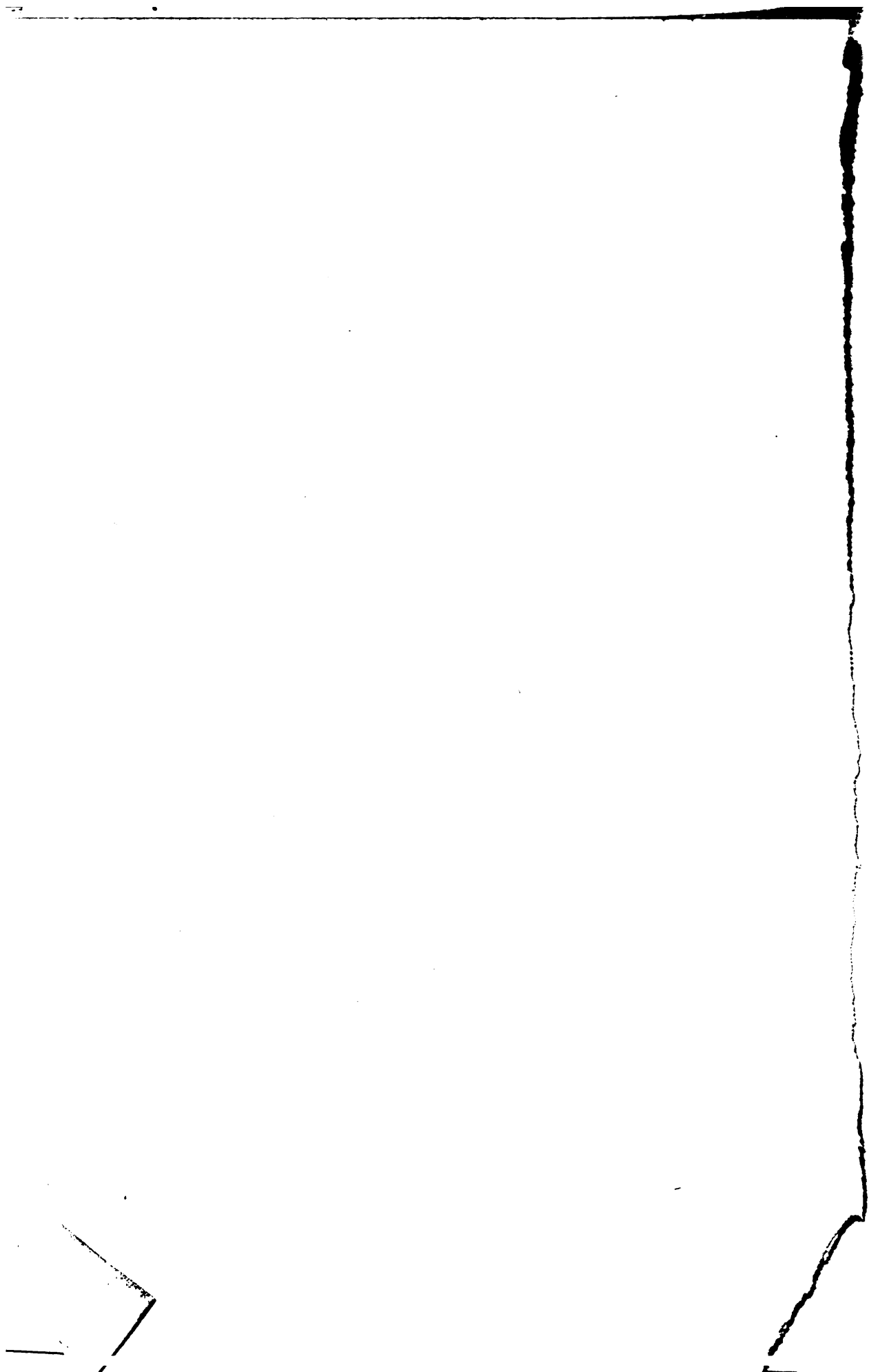
1

РОМАНЪ КУМОВЪ.

КОНЕЦЪ РОДА КОРОСТОМЫСЛОВЫХЪ.

Драма въ 4 дѣйствіяхъ.

ПЕТРОГРАДЪ
Изданіе Н. КАРБАСНИКОВА.
1916.

РОМАНЪ КУМОВЪ

КОНЕЦЪ РОДА КОРОСТОМЫСЛОВЫХЪ

Драма въ 4 дѣйствіяхъ

ПЕТРОГРАДЪ
Издание Н. КАРБАСНИКОВА
1916

С. 10 4375.12.11

Дозволено военной цензурой. Петроградъ, 25 апрѣля 1915 г.

Типографія КЮГЕЛЬГЕНЪ, ГЛИЧЪ и К°. Петроградъ, Екатерингофскій пр., 87.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Кузьма Нифонтовичъ Коростомысловъ, глава
крупной торговой фирмы „Братья С. и К. Коростомыслы“.

Степанъ Нифонтовичъ, его братъ.

Николай Степановичъ, сынъ Степана Нифонтовича,
молодой человѣкъ, студентъ.

Хлудовъ, Григорій Федосѣевичъ, ктиторъ город-
ского собора.

Татьяна, его дочь.

Ниль Памфутъичъ (Лѣсовикъ), управляющій лѣ-
сомъ Коростомысловыхъ.

Илья Силычъ, — управляющій конторой.

Илларионъ, странникъ.

Странникъ безъ языка.

Федоръ, слуга К. Коростомыслова.

Акинфій, слуга Ник. Коростомыслова.

Дорофей Ивановичъ Фроловъ, купецъ съ Дона.

Исправникъ.

Докторъ.

Околодочный.

Полицейскій Агентъ.

Слѣдователь.

Городовой.

Конторщики, торговые корреспонденты. Гости. Народъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Открытый большой балконъ при главной конторѣ заводъ и промысловъ очень крупной фирмы — „Братья С. и К. Коростомыслы“. На немъ глава фирмы, первоугильдейный купецъ, Кузьма Нифонтовичъ Коростомысловъ, лѣтомъ проводитъ свой рабочій день. Кое-гдѣ затянута парусиной отъ солнца. Простой, длинный столъ посреди, на которомъ въ замѣтномъ безпорядкѣ лежатъ книги, счета, подзорная труба, суковатая палка изъ корельской березы. Другой столъ — около стѣны, передъ кожанымъ широкимъ диваномъ съ кожаной же лоснящейся подушкой. Онъ поменьше и попалъ на балконъ, вѣроятно, случайно: его закругленная форма, нѣжный тонкій узоръ — въ видѣ сіяющихъ солнцъ — говорятъ на этомъ дѣловомъ балконѣ о другой жизни — тихой, отстоявшейся, полной шелеста листовъ старей священной книги, вздоховъ о грѣхахъ, несложнаго домовитаго обихода, текшаго изо дня въ день, какъ струйки небыстрой рѣчки. На немъ постоянно кипитъ самоваръ. Нѣсколько деревянныхъ раздвижныхъ кресель-кресчатокъ.

Съ балкона два хода: съ лѣвой стороны — дверь въ контору, съ правой — лѣстница внизъ, на заводскій дворъ.

Мѣсто, гдѣ стоитъ контора, очень высокое, — быть можетъ, самое высокое во всей округѣ. Съ балкона видно, какъ на ладони, многочисленныя заводскія трубы, постройки, старинный городъ, полосу рѣки. Видно, какъ рѣка, пройдя городъ, изогнулась на горизонтъ и бѣжитъ навстрѣчу конторѣ — огромная, блещущая. Она пробѣгаетъ внизу, навѣрно, около самого балкона, и поэтому получается впечатлѣніе, что балконъ устроенъ на самой водѣ.

Пятый часъ вечера. Солнце кладетъ косые отсвѣты на полъ балкона. Въ старинномъ городѣ звонятъ къ вечернямъ: два разныхъ колокольныхъ удара — высокій и низкій — чередуются другъ съ другомъ. Дверь изъ конторы на балконъ открыта. Конторскіе служащіе съ напряженіемъ слѣдятъ за тѣмъ, что происходитъ, повидимому, внизу, на берегу рѣки.

1-ый Конторщикъ. Наскочилъ... а... а!.. „Требую! По закону требую! Разъ нечистъ у васъ на берегу и рабочіе болѣютъ отъ санитаріи, требую чистоты! Требую, чортъ возьми!“...

2-ой Конторщикъ. Какъ пѣтушокъ, наскокомъ, наскокомъ!

3-ій Конторщикъ. Птичка невеличка, а смѣла.

1-ый Конторщикъ. Смѣла, потому — по закону...

3-ій Конторщикъ. Илья Силычъ не зналъ, какъ и сказать нашему... Дверь эту на балконъ пріоткрылъ одной рукой, а другая назади ходуномъ ходитъ, — вотъ этакъ, накажи Богъ! Даже жалко стало старика, — что есть мы, — подневольные, что ли?

2-ой Конторщикъ. Куда тамъ! Хуже всякихъ подневольныхъ!

3-ій Конторщикъ. И какъ сказалъ, поднялся нашъ изъ береговъ, какъ тебѣ матушка-Кама въ половодье. Господи Боже, сколь гнѣвлилъ человѣкъ! За дверью сидѣть страшно было!... Главное — все ему не вѣрится, что какая-то пиглица да ему дерзитъ смѣять... „Самъ пойду, пусть онъ мнѣ это скажетъ!“ Думалъ, испугается!

2-ой Конторщикъ. Испугается! Ишь, тараторить! Нашъ-то только выслушиваетъ!

4-ый Конторщикъ. И, поди, все по ученому!

1-ый Конторщикъ. Конечно, не зря. На основаніи статьи закона.

на
ер
из-
на
я-
у,

е-
гу
ы!

о-

на.
а -

къ
лъ
тъ
то

хъ

ся
о-
За
не
...
ь,

о-

у!
[а

2-ой Конторщикъ. Нашему-то въ новость: не молчать передъ нимъ, а говорить.

Мрачный Конторщикъ. Слопаетъ онъ этого пѣтушка, и дѣло съ концомъ...

1-ый Конторщикъ. Поди, слопай!

2-ой Конторщикъ. Подавится!

Мрачный Конторщикъ. Напишетъ, куда надо, и крышка... Сила! Чего зря болтать!

3-ій Конторщикъ. Тс!...

(Напряженное вниманіе).

1-ый Конторщикъ (изображаетъ). „Обратите вниманіе, ваше благородіе, никакой грязи не имѣется. Рабочіе находятся въ здравіи и... и...“

3-ій Конторщикъ. Ударилъ!

1-ый Конторщикъ. Чиновника ударить по лицу это — нарушеніе закона.

Мрачный Конторщикъ. Видали, законники? Да онъ, что хочетъ, то и дѣлаетъ... Какъ въ послѣдній разъ куралесилъ, что онъ ни выдѣлывалъ... дѣвокъ честныхъ срамилъ... женъ законныхъ бралъ къ себѣ, въ свой гаремъ... и никто насупротивъ... весь городъ, какъ вымеръ, муха пролетитъ — слышно!

Иностранный Корреспондентъ. Не вамъ бы говорить это, господинъ Бѣлолопуховъ!...

Мрачный Конторщикъ (взвизгнувъ). Почему, почему не мнѣ, Николай Васильевичъ? Что онъ и мою жену бралъ? Ну да, бралъ! И въ безчестіи держалъ два дня и двѣ ночи... И нарочно выпроводилъ изъ дома днемъ, чтобъ всѣ видѣли... И еще вотъ что: прислалъ съ женой графинчикъ водочки мужу для утѣшенія и забвенія... Я водочку выпилъ, жену избилъ до полусмерти, а предъ нимъ рабъ и нѣмъ и уваженіе имѣю. Сила-съ!

1-ый Конторщикъ. Докторъ шапочку подняли и удаляются... Самъ сюда глядитъ... Святъ, святъ, святъ!...

(Кое-кто отбѣгаетъ отъ рѣшетки, кое-кто присѣдаетъ на мѣстѣ и потомъ на четверенькахъ передвигаются къ двери въ контору. Общее смятеніе... Въ это время Федоръ, слуга К. Коростомылова, ведетъ на балконъ изъ конторы дѣда-Лѣсовика. Лѣсовикъ очень старъ. Не первая, а какъ будто третья старость смотрится черезъ его бѣлѣсыя помятые внимательные глаза. Онъ въ валенкахъ, и когда переступаетъ, не сгибая колѣнъ, чувствуется, что ноги больны съ давнихъ поръ... Голова сильно трясется. И, все-таки, не смотря на глубочайшую старость, видно, что душевная бодрость не покидаетъ его, — такъ разумнѣе взгляды бѣлѣсыхъ глазъ и хороша старческая полу-ласковая, полу-снисходительная улыбка, — улыбка великаго жизненнаго прозрѣнія. Его движенія неугловаты, — такъ клонить медленно самая сильная буря литуя вѣтку дуба. Когда онъ разговариваетъ, его взглядъ не уходитъ съ лица собесѣдника. Прежде чѣмъ выговорить слово, онъ нѣкоторое время шевелитъ губами, и взглядъ его въ это время особенно напряженъ и внимателенъ. Голосъ грубый, басовый, нѣсколько не идущій къ его третьей немощной старости. Федоръ — тоже старикъ — съ уставной бѣлой бородой и безстрастнымъ отношеніемъ къ окружающему — даже къ своему грозному хозяину: обломокъ прежней жизни, какая была здѣсь раньше, при предыдущемъ поколѣніи).

Лѣсовикъ. Отчего они, какъ воробьи съ вѣтки?
Федоръ. Должно, самъ идетъ!

(Лѣсовикъ ищетъ глазами въ углахъ икону и, не найдя, крестится на солнце).

Лѣсовикъ. Здравствуй, Федя!

Федоръ (низко кланяясь). Здравствуйте, Ниль Памфнутичъ!

Лѣсовикъ. Кузьма гдѣ же?

Федоръ (смотреть черезъ рѣшетку во дворъ). Разговариваетъ съ Ильей Силычемъ. У насъ непріятность: новый санитарный докторъ придрался за грязь на берегу. А нашъ каковъ, — чуть слово поперекъ — на дыбошки!

Лѣсовикъ. Не уgomонился еще?

Федоръ. Куда тамъ!... Какими судьбами припо-

на
ери
оъ.
оры
ая,
ые
гда
огн
ки,
ая
ле-
хо-
нія.
мая
тъ,
змъ
ми,
ма-
къ
—
емъ
ну:
при

жаловали, Ниль Памфнутичъ? Чай, изъ лѣса давно не
выѣзжали?

Лѣсовикъ. Какъ Хлудовскую барыню зарѣзали,
брали меня въ городъ на допросъ. Какъ разъ нонѣш-
ній день, святыхъ мученикъ Флора-Лавры... двадцать
лѣтъ тому есть. А какъ вернулся я послѣ этого въ
лѣсъ, черезъ нѣсколько дней ушелъ Степанъ Нифон-
товичъ... На святыхъ мученикъ Адріана и Наталіи,
августа двадцать шестого, тоже будетъ ровно двадцать
лѣтъ. А потомъ вскорѣ Кузьма, какъ остался безъ
брата, перешелъ изъ лѣса сюда, хотя покойница, Марфа
Тимофеевна, очень не хотѣла уходить. На Покровъ мы
васъ изъ лѣса проводили!

Федоръ. Помню, Ниль Памфнутичъ! Матушка
Марфа Тимофеевна въ санкахъ своихъ, голубушка, всю
дорогу проплакала,—родимымъ мѣстамъ не хотѣлось покидать!

Лѣсовикъ. Какъ же не родимыя? Мой отецъ
покойникъ, Памфнутій Власичъ, сказывалъ, — при немъ
три колѣна Коростомысловыхъ выжило въ лѣсу, да при
мнѣ... дѣдушка Кузьмы, Анисимъ Меркульичъ... отецъ,
Нифонтъ Анисимовичъ... да теперь онъ, Нифонтовичъ...
Испоконъ вѣковъ лѣсъ отъ рѣки до самыхъ Рубеж-
ныхъ горъ назывался Коростомысловскимъ. А Кузьма,
какъ братъ ушелъ, на все наплевалъ, родительскія
мѣста не уважилъ и въ городъ перебрался!...

Федоръ. Широкій человѣкъ! Какъ подопьетъ,
любитъ похвастать: родители мои были въ тысячахъ,
а я — въ милліонахъ!...

Лѣсовикъ. Исполать. А отъ лѣса не отходи.
Лѣсъ далъ, лѣсъ и возметъ. Всяко бываетъ!...

Федоръ. Нѣтъ, Ниль Памфнутичъ, не вернется
онъ въ лѣсъ! Не такіе у него планы! (Таинственно).
Думаю, новость у насъ скоро объявится. Хотя и шито-
крыто, а концы всплываютъ. Какъ будто надоѣла
Кузьмѣ Нифонтовичу вольная волюшка да жизнь оди-
нокая, — жениться хочетъ!

Лѣсовикъ. И то добро. Пора уgomониться. А то дурная слава до лѣса добѣжала...

Федоръ. Сегодня утромъ посылалъ меня къ своему будущему тестю и велѣлъ звать послѣ вечерень по дѣлу... Теперь, должно, скоро гость будетъ, къ вечернямъ давно отблаговѣстили.... Самъ идетъ! (Смотритъ въ самоваръ). Заглохъ, надо перемѣнить... А мы собирались къ вамъ въ лѣсъ ѣхать, да дѣла задержали. Кузьма Нифонтовичъ хотѣлъ лѣсъ облюбовать на постройку дома, — старья-то хоромы, гдѣ проживала матушка Марфа Тимофеевна, не нравятся — „ладаномъ“ — говоритъ, „пропахли“. — И живетъ онъ въ конторѣ, тутъ у него двѣ комнаты... (Унести самоваръ).

(По лѣстницѣ подымается со двора Кузьма Коростомысловъ. Высокаго роста. Широкоплечій. Въ лицѣ настоящая открытая русская красота, въ которой много отъ безконечнаго золотого ржаного поля, отъ вечернихъ зорь ало-бархатныхъ, отъ черноты крыла ворона, родной трагической птицы. На видъ ему лѣтъ 40—45, но на самомъ дѣлѣ ему скоро 50. Бросается въ глаза прежде всего его свѣжесть и жадность къ воспріятію впечатлѣній жадность и свѣжесть почти дикарскія. И еще то, что онъ непосредствененъ. Его переходы отъ гнѣва къ спокойствію, отъ глубокой задумчивости къ смѣху, быстры, неожиданны и рѣзки. При всѣхъ своихъ отрицательныхъ свойствахъ, о которыхъ много говорятъ окружающіе, онъ производитъ впечатлѣніе рѣзкаго большого ребенка. Онъ нѣсколько успокоился, но еще не въ духѣ).

Лѣсовикъ. Здравствуй, Кузьма!

К. Коростомысловъ (изумленно). Лѣсовикъ! Вотъ удружилъ, вотъ удружилъ! (Цѣлуется. Вдругъ, вспомнивъ). Какъ у васъ пожаръ?

Лѣсовикъ. Сестринъ заказъ выгорѣлъ начисто. А дальше не дали, — просьбу успѣли проложить... Измучились, — огонь страшный, а людишекъ, насъ, мало..

К. Коростомысловъ. Зачѣмъ пріѣхалъ?

ся.

Лѣсовикъ. Къ попу, на духъ. Здоровьишка нѣту... Да и на тебя посмотришь, какъ живешь... Работаешь вѣкъ, а не знаешь, какъ хозяинъ живетъ!

къ

че-

тъ,

тъ!

К. Коростомысловъ. Живемъ ничего, слава Богу! Дѣло наше, какъ тѣсто въ квашнѣ.

Лѣсовикъ. Людишекъ у тебя, Кузьма, много... которые пишутъ...

А

ер-

ать

жи-

ла-

въ

ь).

К. Коростомысловъ. А, контора! У батюшки былъ одинъ, — безухій, повязку носилъ черезъ голову, — помнишь? А у меня скрипятъ перьями до тридцати человекъ, и то нехватка. И не столько нехватка, а не умѣютъ эти наши работать, какъ слѣдуетъ. У меня больше все здѣшніе, давніе, нанятые по-отцовскому правилу: „не пьешь, не куришь, въ церковь ходишь?“... Я благочестивыхъ въ конторѣ люблю, потому благочестивый воровать не будетъ. А на счетъ дѣла эти. въ пиджакахъ и галстукахъ, лучше. Я завелъ себѣ пятерыхъ, корреспонденцію ведутъ... Дѣло, лѣсовикъ, растеть!

ро-

лицъ

ного

нихъ

одной

а са-

меже

лѣній

онъ

твію,

анны

съ, о

идить

лько

Лѣсовикъ. Бога не забывай!

К. Коростомысловъ. Дѣло, дѣдъ, растеть! Кузьма Коростомысловъ работаетъ, не покладая рукъ... Недавно былъ одинъ заграничный человекъ... изъ Англіи... Такъ онъ говорилъ: „лѣсъ Коростомысловыхъ даже въ Англіи извѣстенъ!“ А при покойникѣ батюшкѣ нашъ лѣсъ довозили самое большое до Питера, а то вовсе въ Казани или Рыбинскѣ сдавали. Клеймо Коростомысловыхъ пустилъ въ ходъ я — „Братья Коростомысловы“. (Усмѣхается). „Братья Коростомысловы!“ А какіе братья, когда я одинъ, Кузьма Коростомысловъ, орудую? Такъ, слово пустое, а коснись дѣла, слово это заиграетъ, ой-ой! Конечно, брата Степана въ живыхъ нѣту, — двадцать лѣтъ отъ него ни слуху ни духу, — но у него сѣмя есть, сынокъ, мой племянничекъ, Никулушка. И можетъ онъ племянникъ мнѣ во всякое время сказать: „а подай мнѣ, дядя, отцов-

къ!

пом-

сто.

Из-

ло..

скую часть!“ Я наводилъ справки у свѣдущихъ людей, — „можетъ, разъ имущество не раздѣлено“. Конечно, самъ онъ — блаженненькій, и ничего, пожалуй, не попросить, но черезъ него могутъ дѣйствовать другіе, которымъ любо мое богатство, — примѣрно, женится онъ, и женина родня захочетъ примазаться къ нашему коростомысловскому пирогу... А по какому праву, дѣдъ? Отецъ оставилъ капиталъ меньше ста тысячъ, да 10 тысячъ десятины лѣса. Братъ Степанъ ничего не дѣлалъ, тоже былъ какой-то блаженный, какъ и его сынокъ. Капиталъ приумножилъ я, и если съ кѣмъ я долженъ дѣлиться, то только съ тобою, дѣдъ! Ты въ лѣсу работаешь, а я тутъ... И матушка, Марфа Тимофевна, какъ помирала, давала наставленіе: „дѣда лѣсовика уважай! Онъ отцу служилъ и тебѣ послужить!“ Это ея наставленіе я помню... И люблю тебя и такъ, лѣсного человѣка. Древень-древень ты, въ жилахъ, чай, вмѣсто крови сочекъ зеленый течетъ, а вотъ какъ родной ты мнѣ, можетъ, одинъ родной человѣкъ во всемъ свѣтѣ. И лѣсъ люблю. Вотъ ушелъ изъ лѣса на поляну, а тянетъ туда — подъ темныя тѣни. Душа у меня лѣсная, темная. И дѣтство мое лѣсомъ пахивается, — ой-ой, какъ пахивается! Бывало, уйдешь отъ кордона, забредешь въ чащу, ляжешь на траву и слушаешь, какъ деревья шумятъ. Ничего слаще этого шума я не слышалъ, дѣдъ: то тебѣ березка простонетъ, какъ струнка, то липа зашепчетъ, будто мать губами, то дубище гроыхнетъ, какъ колоколо въ свѣтлую ночь. И трава — то иголкой, то пухомъ, то лентой, — и не знаетъ, какъ нѣжить тебя! (Пауза). Какъ уѣзжаю къ тебѣ въ лѣсъ, отдыхаю. Давно не былъ, — некогда, все дѣла... Вотъ все на счетъ племянника. Заботить онъ меня, дѣдъ. Возрастъ такой, что того и смотри — выберетъ себѣ по сердцу да и обвѣнчается. И за нимъ кое-кто тутъ изъ умныхъ людей охоту налаживаетъ... Спасибо, я сразу разга-

лю-
Ко-
злуд,
дру-
же-
я къ
кому
ста
ни-
сакъ
съ
здъ!
рфа
ѣда
слу-
я и
жи-
отъ
ѣкъ
изъ
ни.
мъ
уй-
на
его
бе-
тъ,
о-
у-
я!
ю
э-
і,
и
ъ

далъ, куда камушекъ мѣтитъ, и мѣры кой-какія принялъ. Богатство я нажилъ и дѣлиться имъ ни съ кѣмъ не желаю. Кто руки протягиваетъ къ нему, — прочь! Племянникъ Николай — рука, — прочь ее!... Вотъ смотри... (Отмыкаетъ ящикъ въ столѣ и достаетъ какія-то бумаги). Какъ разъ сегодня утромъ получилъ. Постановленіе о взятіи Николая подъ опеку и о назначеніи меня опекуномъ — изъ-за душевной болѣзни Николая. Девять мѣсяцевъ дѣло шло, стоило мнѣ не одну тысячу, и вотъ конецъ. Пока я никому объ этомъ ни гу-гу, но какъ только Николай, или кто другой черезъ него свои права заявить, сейчасъ это — „именемъ закона“. Самъ я не трону, дѣдъ, и ты не смотри на меня такъ, но если обезпокоятъ меня, тогда пощады нѣту! (Заботливо прибираетъ бумаги обратно въ столъ и тщательно запираетъ).

Лѣсовикъ. Бога не забывай, Кузьма! Очень широкъ ты сталъ, какъ ушелъ изъ лѣса. Говоришь: лѣсная у тебя душа... Мы въ лѣсу живемъ не такъ... и жили не такъ... „Лѣсокъ — монастырекъ!“ — говорила твоя матушка, Марфа Тимофеевна, вѣчный покой ея душенькѣ! Не хатенки у насъ, а келейки! Лица человѣческаго новаго по годамъ не видимъ! Недѣлю маешься, а въ праздникъ курево святое ладанное разведешь, — вотъ вся утѣха! И раньше насъ такъ жили, и мы живемъ...

К. Коростомысловъ. Какъ будто — святые люди? А Хлудовскую барыню гдѣ зарѣзали?

Лѣсовикъ. Былъ грѣхъ. Но временемъ и милосердіемъ Божиимъ заглажено все, и съ тѣхъ поръ въ нашемъ лѣсу тихо...

(Федоръ вноситъ самоваръ).

Федоръ. Тамъ купецъ съ Дона желаетъ васъ видѣть.

К. Коростомысловъ. Зови...

(Входитъ купецъ Фроловъ. Исполинская фигура. Черная, какъ смоль, окладистая борода, острые стелные

глаза. Странно видѣть на немъ типичный костюмъ заолустныхъ лѣсныхъ торговцевъ, — черный кафтанъ на крючкахъ. Ему больше подходилъ бы какой нибудь цвѣтной кафтанъ съ ярко-красной подкладкой на внутреннихъ отворотахъ рукавовъ, соболья шапка, мечъ старый на поясѣ. Но это впечатлѣніе старой ожившей картины быстро пропадаетъ, какъ только Фроловъ начинаетъ говорить. И голосъ и складъ выговора — все такое современное и мелкое: въ красивомъ образѣ сидитъ просто торговецъ съ Дона. И Кузьма не скрываетъ своего разочарованія, — насколько передъ этимъ онъ былъ словно изумленъ и взволнованъ старой красотой сохранившагося образа, настолько потомъ небреженъ и даже будто насмѣшливъ. И только пріобрѣтенная выучка обхожденія съ покупателемъ удерживаетъ его отъ глумящейся выходки надъ этимъ выродившимся потомкомъ прежнихъ удалцовъ).

Фроловъ. Къ вашей милости, Кузьма Нифонтовичъ. Дѣльце хотѣлось бы вести съ вами...

К. Коростомысловъ. Садись, — гость будешь. Имя, отчество какъ?

Фроловъ. Дорофей Ивановичъ.

К. Коростомысловъ. Садись, Дорофей Ивановичъ.

(Самъ придвигаетъ кресло-кресчатку).

К. Коростомысловъ. Дорофей Ивановичъ, съ Дона, говоришь, ты?

Фроловъ. Съ Дона, Кузьма Нифонтовичъ.

К. Коростомысловъ (быстро). А ну-ка, встань!

(Фроловъ, недоумѣвая, встаетъ. Кузьма мѣряетъ его ростъ сравнительно съ своимъ ростомъ).

К. Коростомысловъ. Выше меня вотъ настолько! (Показываетъ на рукъ). А ну-ка, Дорофей Ивановичъ, повернись!

(Фроловъ медленно поворачивается, не понимая, зачѣмъ это нужно).

К. Коростомысловъ. А казачка плясать умѣешь?

Фроловъ. Нѣтъ, Кузьма Нифонтовичъ, не умѣю...

К. Коростомысловъ. А пѣсни казачьи пѣть можешь?

Фроловъ. Тоже не могу, — помереть не вру!...

К. Коростомысловъ. Лѣсное у тебя дѣло, Дорофей Ивановичъ?

Фроловъ. Лѣсное, Кузьма Нифонтовичъ.

К. Коростомысловъ. Давно ведешь?

Фроловъ. Одиннадцать лѣтъ.

К. Коростомысловъ. Съ кѣмъ дѣло имѣлъ?

Фроловъ. Забиралъ у Волосатовыхъ и у Новиковыхъ. Только дѣло не выходитъ. Оборотъ у нихъ короткій, — своего лѣса нѣтъ, арендуютъ, платежи срочные, ну и съ нашего брата торопятся взять. Кредитъ шесть мѣсяцевъ. А у меня иной разъ лѣсъ пять мѣсяцевъ до мѣста идетъ, — получить не успѣешь, а ужъ надо расплачиваться.

К. Коростомысловъ. Какой кредитъ хочешь?

Фроловъ. Годъ. Потому, я говорю...

К. Коростомысловъ. Не пьешь?

Фроловъ. Этого грѣха нѣтъ. Развѣ когда въ Царицынѣ съ крупнымъ покупателемъ въ „Конкордіи“ угостишься — для ради фирмы, безъ этого нельзя...

К. Коростомысловъ. Дѣти есть?

Фроловъ. Семь сыновей. Шестеро читать-писать научились и теперь при дѣлѣ, а седьмой въ Царицынѣ, въ гимназіи... Побаловаться думаю, въ образованные вывести, на господскій манеръ.

К. Коростомысловъ. Правильно, Дорофей Ивановичъ. У насъ при отцѣ въ дѣлѣ были простецы, а я и простецовъ держу и, кромѣ того, выписалъ нѣсколько штукъ ученыхъ. Народъ — шелкоперъ, а безъ нихъ нельзя... (Показываетъ на Лѣсовика). А вотъ это мой первѣйшій министръ и голова во всемъ дѣлѣ. Ему подъ девяносто, а онъ работаетъ отъ зари до зари...

Фроловъ (съ уваженіемъ). Старой выправки чело-
ловѣкъ!

Лѣсовикъ. Бывало, его дѣдушка, Анисимъ
Меркульичъ, говаривалъ: „въ лѣсу жить — лѣсной вѣкъ
вести“. А лѣсной вѣкъ дологъ! На-дняхъ дубъ одинъ
подрубали, а онъ возьми да и упади не по берегу, а
на воду, — ошибка вышла. Какъ плотиной запрудилъ
половину рѣки! Такъ проѣзжіе инженеры, которые
въ горахъ камень достаютъ, круги считали въ отрубѣ...
Безъ пятка тысяча круговъ!...

К. Коростомысловъ. Да-съ, это понять
надо. Эхъ, Дорофей Ивановичъ, вотъ ты хочешь со
мною дѣло вести, а знаешь ли ты, что не люблю
я имѣть дѣло съ человѣкомъ, если напередъ не
знаю, любо ли ему мое дѣло, любъ ли ему лѣсъ?
У меня лѣсъ дорогой, выдержанный, какъ въ погребѣ
запечатанное старое вино. Слышалъ ли ты, какъ пах-
нетъ мой лѣсъ? А какъ звенить, — словно металлъ!
Вотъ этотъ старикъ, — у него ключи отъ этого заповѣд-
наго погреба, и если отпустить онъ, отпустить та-
кую штуку, которая года будетъ хранить свой букетъ
и свою звонкость!... Ты знаешь, Дорофей Ивановичъ,
за границей, когда пишутъ о русскихъ лѣсахъ, указы-
ваютъ на Коростомысловскіе лѣса. Я не гонюсь за
барышомъ, какъ другіе, — барышъ самъ идетъ ко мнѣ.
Я лишь блюду честь своего лѣса, честь Камы и честь
Россіи... Тамъ, за границей, знаютъ о нашемъ лѣсѣ, и
мнѣ это лестно, какъ русскому человѣку!

Лѣсовикъ. Кузьма, родители твои тоже были
люди русскіе и благочестивые, но интересъ блюли
свой и копѣчку къ копѣчкѣ прикладывали...

К. Коростомысловъ. Ты какъ же... на век-
селя?

Фроловъ. На векселя.

Лѣсовикъ. Въ старину никакихъ векселей не
было. Бывало, кто даетъ, на притолкѣ мѣлкомъ запи-

шетъ: дано такому-то столько-то. А если должникъ въ срокъ не отдастъ, тотъ, кто далъ, грозитъ: плати, срокъ пришелъ, а то я хочу стирать памятку... А тотъ просить: не стирай, отдамъ скоро!

К. Коростомысловъ. Вотъ они, настоящіе купцы были, Дорофей Ивановичъ! А теперь, поди, скажи этакъ: „хочу стирать памятку на притолкѣ“, только попросить: „стирай, пожалуйста!“

Фроловъ. Конечно, всякій народъ.

К. Коростомысловъ. Такъ иди въ контору, — скажешь тамъ, чтобъ приняли отъ тебя заказъ... Пстой, Дорофей Ивановичъ. Прислалъ бы ты мнѣ къ Филипповкамъ съ Дона осетра хорошаго, — славятся донскіе осетры-то!

Фроловъ. Пришлю, Кузьма Нифонтовичъ.

(Входитъ управляющій конторой).

Управляющій. Корреспонденція разобрана!

К. Коростомысловъ. Давай. Силычъ, это нашъ новый кормилецъ. Прими заказъ... Такъ про осетрика не забудь, Дорофей Ивановичъ!

Фроловъ. Не забуду. Какъ пріѣду, закажу знакомымъ рыбакамъ, чтобъ ловили...

(Кланяется и уходитъ съ управляющимъ въ контору).

К. Коростомысловъ (смотритъ въ подозрную трубу на рѣку). Нашъ пассажирскій пароходъ опять опаздываетъ.

Лѣсовикъ. Августъ мѣсяцъ. Мели да перекаты.

К. Коростомысловъ. Изъ-за горъ бѣжитъ буксиръ. Не разберешь — нашъ или не нашъ... У меня такое правило, дѣдъ: сядь на мель, разбей пароходъ, а иди во время. Честь фирмы дороже всего.

(Входятъ Управляющій и два корреспондента).

К. Коростомысловъ. Сегодня у насъ какой вечерній пароходъ?

Управляющій. „Марфа Тимофеевна“.

К. Коростомысловъ. Оштрафовать капитана за опозданіе... Помню, лѣтъ двѣнадцать назадъ ходилъ у насъ на „Сарапульцѣ“ капитаномъ старичишка, изъ финновъ, бороду брилъ, какъ нѣмецъ. Ходокъ былъ!

Управляющій. Гукманъ.

К. Коростомысловъ. Онъ самый. Бывало, встрѣтится съ попутчикомъ, особенно если съ хорошимъ ходокѣмъ, трубы сожжетъ, а придетъ первымъ... Нѣтъ, не нашъ буксиръ, — любимовскій... (Къ корреспондентамъ): Сначала русскую. (Быстро просматриваетъ и дѣлаетъ отмѣтки). Силычъ, я приказывалъ просьбы о благотворительности уничтожать. Пусть разводятъ дармоѣдовъ другіе. Я тутъ не помощникъ. (Рветъ). Заграничная! Читай кратко, — о чемъ?

Корреспондентъ. Парижскій купецъ Оливье заказъ на уральскіе камни.

К. Коростомысловъ. Дальше!

Корреспондентъ. Лондонскій торговый домъ готоваго платья Тиккисъ и Компанія — заказъ на триста шкурокъ бѣлокъ высшаго сорта. Причемъ Торговый Домъ имѣетъ честь обратить вниманіе на...

К. Коростомысловъ. Дальше!

Корреспондентъ. Амстердамскій лѣсной торговецъ Веберъ, коммиссіонеръ и поставщикъ голландскаго правительства, — предложеніе о поставкѣ четырехсотъ тысячъ корабельныхъ деревъ въ шестимѣсячный срокъ...

К. Коростомысловъ. Читай письмо!

Корреспондентъ. „Господину нашему и брату, россійскому перворазрядному купцу, наипочтеннѣйшему, наиважнѣйшему, наипросвѣщеннѣйшему...“

К. Коростомысловъ. Дай переводъ! (Читаетъ) Лѣсовикъ, голландецъ лѣсъ закупаетъ для постройки кораблей. Четыреста тысячъ корабельныхъ деревъ. Шестимѣсячный срокъ. Неустойка — сумма заказа...

Лѣсовикъ. Срокъ коротокъ. Вывезти не успѣешь!

К. Коростомысловъ. Ты говоришь, вывезти не успѣемъ?

Лѣсовикъ. Не успѣешь. Подрубить — подрубить, а вывезти не успѣешь, какъ Богъ святъ!...

(Со двора по лѣстницѣ вбѣгаетъ Николай Степановичъ Коростомысловъ. Онъ въ очкахъ. Студенческая тужурка запачкана въ паутину и грязь).

Ник. Коростомысловъ. Дядя, величайшее открытіе!

К. Коростомысловъ. Гдѣ это ты... какъ боровъ?

Ник. Коростомысловъ (въ упоеніи). Величайшее открытіе! Я давно подозрѣвалъ, что у насъ въ старомъ домѣ, на чердакѣ, скрыты сокровища. Помнишь, я все допытывался, гдѣ наши архивы?

К. Коростомысловъ. На чердакѣ, что-ль, нашелъ?

Ник. Коростомысловъ. На чердакѣ. Еще не разобрался, но видѣлъ — есть умопомрачительные памятники старины. Напримѣръ, рукописная Библия, вѣка четырнадцатаго, если не древнѣе... Профессоръ ахнетъ, когда узнаетъ...

К. Коростомысловъ. Ага... Такъ ты говоришь, вывезти не успѣемъ?

Ник. Коростомысловъ. Кого вывезти?

К. Коростомысловъ. Это я не тебѣ... Вотъ ты спрашивалъ: гдѣ нашъ коростомысловскій архивъ? Вотъ нашъ архивъ. (Показываетъ на Лѣсовика). Знаетъ много!...

Ник. Коростомысловъ. Это дѣдушка Лѣсовикъ?

К. Коростомысловъ. Ну да, дѣдушка Лѣсовикъ, которымъ тебя пугали въ дѣтствѣ!...

Ник. Коростомысловъ. Дядя, ты послушай, я еще не все рассказал... Есть одинъ замѣчательный документъ—грамата Великаго Князя Московскаго и всея Руси Іоанна III-го нашему пращуру по женской линіи Ивану Гостеву, по прозвищу Баба, на „усолія и лѣсія“. Оказывается, нашъ родъ работаетъ въ этихъ мѣстахъ съ болѣе ранняго времени, чѣмъ строгановскій... Подтверждается одно великое прозрѣніе нашего профессора Ключевского о роли...

К. Коростомысловъ. Грамата Іоанна III-го всея Руси?

Ник. Коростомысловъ. Іоанна III-го всея Руси. Лежала въ особомъ желѣзномъ ларцѣ, а ларець былъ въ деревянномъ ящикѣ...

К. Коростомысловъ. Это какъ изъ лѣса перевозили, не удосужились разобрать... Племянникъ, а вѣдь это важная штука!...

Ник. Коростомысловъ. Важнѣйшая, дядя! Профессоръ узнаетъ, поразится! Новая страница по исторіи колонизаціи этого края. Оказывается, еще до завоевательной эры государства, сюда проникли, какъ и въ верхнее Поволжье, мирные русскіе люди не съ пищалью и пикой, а съ топоромъ и словомъ Божиимъ, и стали врубаться въ лѣсную темень „токмо во имя Господа“...

К. Коростомысловъ. Погоди, не то... Если эту грамоту и другія, которыя найдутся, отпечатать приложеніемъ къ преисъ-куранту, а? Я думаю, альбомчикъ такой сдѣлать—фотографическіе снимки нашего лѣса и исторія нашей фирмы. У насъ не поймутъ, такъ за границей поймутъ! Можетъ, изъ всѣхъ россійскихъ купеческихъ родовъ нашъ родъ наидревнѣйшій!

Лѣсовикъ. Былъ еще рядомъ съ нашимъ родомъ Колычевскій родъ,—они по эту сторону рѣки, а мы по ту. Но Колычевскій родъ вымеръ, и въ недавнихъ годахъ, лѣтъ шестьдесятъ назадъ...

К. Коростомысловъ. Вотъ Лѣсовика въ альбомъ снять. Въ краскахъ можно, живописцу заказать. И подписать—„первѣйшій министръ Коростомысловыхъ“.

Ник. Коростомысловъ. Можно и въ альбомъ, если нужно...

Лѣсовикъ. Ты, значить, будешь Николушка?

Ник. Коростомысловъ. Николушка.

Лѣсовикъ. Отца своего, Степана Нифонтовича, помнишь-ли?

Ник. Коростомысловъ. Нѣтъ, дѣдушка. Отецъ скрылся, когда мнѣ было полтора года. Я даже матери не помню, а она умерла послѣ ухода отца...

Лѣсовикъ. Ты отца-то... чти!

Ник. Коростомысловъ. А правда, дѣдушка, будто отецъ со странниками въ святые мѣста ушелъ?

Лѣсовикъ. Говорятъ, будто правда...

Ник. Коростомысловъ. Помню, бабушка, Марфа Тимофеевна, рассказывала, какъ исчезъ отецъ. Наканунъ были странники, — тогда, какъ въ лѣсу жили, домъ всегда былъ полонъ ими. Ночью случилась большая гроза, небо было, какъ раскаленный чугунокъ, и бабушка все предъ образами страстные свѣчки теплила. Отецъ былъ на своей половинѣ, — работники рассказывали, что у него долго горѣлъ огонь... А утромъ комната его оказалась пуста, окно въ садъ полуоткрыто, и около окна, на пескѣ, слѣды... Сначала предполагали, что отца похитили или даже убили, — тутъ незадолго передъ этимъ Хлудовскую барыню нашли въ лѣсу зарѣзанной. Но тѣла не нашли, а отъ заходившихъ странниковъ стали получать извѣстія, будто видѣли его то въ старомъ Іерусалимѣ, то на Аѳонѣ... Такъ и сложилось, что отецъ скрылся. А кто знаетъ, вѣрно ли это? Можетъ, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ его въ живыхъ!...

Лѣсовикъ. Живъ отецъ!

К. Коростомысловъ. О чемъ вы тутъ?

Лѣсовикъ. О старинныхъ временахъ, какъ пропалъ его родитель, Степанъ Нифонтовичъ...

К. Коростомысловъ. Нѣтъ, ты сказалъ: „живъ“. Кто живъ?

Лѣсовикъ. Его родитель, Степанъ Нифонтовичъ.

К. Коростомысловъ. Думаю, молва это одна, будто онъ спасается въ монастырѣ. Двацать лѣтъ прошло...

Лѣсовикъ. Не прошло, а будетъ сегодня вечеромъ на святого Флора-Лавру.

К. Коростомысловъ. Все равно.

Ник. Коростомысловъ. Я пойду, дядя. Прощай, дѣдушка!

К. Коростомысловъ. Разбирайся въ находкахъ, а я, какъ контору закроемъ, къ тебѣ зайду, — любопытно посмотрѣть.

Лѣсовикъ. И я тоже пойду, — на могилку къ Марфѣ Тимофеевнѣ.

К. Коростомысловъ. Федоръ, Лѣсовику приготовь въ домѣ... Прощай пока. Передъ сномъ я къ тебѣ загляну, — провѣдаю. (Корреспонденту): Эти письма возьми, я сдѣлалъ помѣтки, а это насчетъ лѣса оставь здѣсь...

(Въ дверяхъ Лѣсовикъ сталкивается съ Хлудовымъ и его дочерью. Какъ будто что-то удивило обоихъ — Хлудова и Лѣсовика, — когда они столкнулись. Но это продолжается одно мгновеніе, и оба идутъ своей дорогой. Хлудовъ — сухой старичокъ. Типъ стараго человѣка, который много читаетъ — отъ святыхъ отецъ, житій, поученій, и который носитъ это начитанное на себѣ, какъ пчела цвѣточную пыль).

К. Коростомысловъ. Вотъ неожиданная радость!

(Дѣлаетъ знакъ Корреспонденту — тотъ уходитъ).

Хлудовъ (на ушедшаго Лѣсовика). Кто этотъ старикъ?

ь, кз
К. Коростомысловъ. Нашъ лѣсной управля-
ющій.

казал
Хлудовъ. Какъ будто я встрѣчалъ его гдѣ-то...

Ниф:
К. Коростомысловъ. Навѣрно, Григорій Фе-
досѣвичъ, ошиблись, — онъ безвыѣздно живетъ въ
лѣсу съ тѣхъ поръ, какъ я сюда перешелъ...

о од:
ь лѣ:
я веча:
Хлудовъ. Можетъ, ошибся... А мы прямо отъ
вечерни, изъ собора... Она къ вамъ по дѣлу, если го-
ворить правду, Кузьма Нифонтовичъ... Сама, что-ль,
скажешь? Ну, все равно, я скажу... Идемъ мы въ со-
боръ, вдругъ окно въ квартирѣ новаго санитарнаго
врача открывается и жена санитарова рукой машетъ:
зайдите! Заходимъ. Въ домѣ стenanіe: жена санита-
рова плачетъ, дѣти плачутъ, а самъ санитаръ, въ
формѣ, ему присущей, ходитъ по комнатѣ, взявшись
руками за голову. И только: о...о...о!...

дяд:
наход:
иду, —
К. Коростомысловъ. Взявшись руками за
голову?

ку к:
при:
я к:
исъма:
ставъ:
Хлудовъ. Именно — взявшись руками за го-
лову. При видѣ насъ жена санитарова забила въ
истерическомъ припадкѣ, а самъ санитаръ остановился
противъ меня и бессмысленно смотритъ, какъ будто
не угадывая. Я далъ женѣ санитаровой воды и самого
санитара усадилъ и форму съ него снялъ. Потомъ
жена санитарова закричала: „иди, иди къ нему и проси
на колѣняхъ прощенія!“ Потому она въ такое возбу-
жденіе пришла, что у нихъ пятеро дѣтей, изъ коихъ
старшему, по ея словамъ, десятый годокъ.

у до:
ивило:
лкну:
идутъ:
Типъ:
тыхъ:
нное:
К. Коростомысловъ. А онъ?

ра-:
Хлудовъ. Онъ сначала бѣгалъ по комнатѣ, по-
томъ сѣлъ на диванъ и изнемогъ до того, что мы
его уложили въ постель. Но слова ни одного не ска-
залъ...

га-:
К. Коростомысловъ. Не сказалъ?

Хлудовъ. Нѣтъ, не сказалъ... У Тани къ вамъ,
Кузьма Нифонтовичъ, порученіе есть отъ жены сани-

таровой. Какъ изнемогъ онъ, она отозвала ее въ другую комнату и со слезами молила ходатайствовать за мужа передъ вами, такъ какъ у нихъ пятеро малыхъ дѣтей...

К. Коростомысловъ. Григорій Федосѣевичъ... скажите ей, женѣ санитаровой... или нѣтъ... вотъ возьмите... (Даетъ деньги). И передайте ей, будто отъ себя... понимаете? Не отъ меня!... И скажите... олять-таки не отъ меня, а будто отъ себя: пусть не беспокоится! Она и дѣти не погибнутъ!

Хлудовъ. Но самъ санитаръ?

К. Коростомысловъ. Уже послана телеграмма съ просьбой немедленно убрать его за дерзость и наказать.

Т. Хлудова. Жена врача сказала, будто вы... въ обидѣ... ударили ея мужа... по лицу... Правда это?

(К. Коростомысловъ молчитъ).

Т. Хлудова (волнуясь). Господи, какъ нехорошо! Я не вѣрила. (Вдругъ): Вы должны просить у него прощенія.

К. Коростомысловъ. Я тамъ далъ, — вотъ прибавлю еще.

Т. Хлудова. Батюшка, отдайте ему деньги назадъ. Возьмите ваши деньги, Кузьма Нифонтовичъ! (Пауза).

К. Коростомысловъ. Какъ же я пойду просить извиненія, у меня сейчасъ дѣло здѣсь.

Т. Хлудова. Я пойду. Я скажу отъ вашего имени, что вы просите простить и забыть о вашемъ проступкѣ.

К. Коростомысловъ. Хорошо, идите... Идите и скажите: Кузьма Коростомысловъ проситъ прощенія.

Т. Хлудова. Батюшка, вы здѣсь побудете? Я зайду за вами.

Хлудовъ. Побуду.

(Татьяна Хлудова уходитъ).

К. Коростомысловъ (сконфуженно). Видѣлъ, Григорій Федосѣвичъ? Ха, ха, ха... На-дняхъ былъ тутъ проходящій монахъ. Я этого люда не люблю и посмѣялся-таки надъ нимъ. Онъ и говоритъ: жестокая у тебя душа, но веселая, дай Богъ тебѣ здоровья! Понравилось мнѣ это, велѣлъ накормить...

Хлудовъ (неопредѣленно). Да, да... Бываютъ проходящіе монахи очень хорошіе люди...

К. Коростомысловъ. Выпей чаю, Григорій Федосѣвичъ... Можетъ, водочки?

Хлудовъ. Благодарю, — послѣ вечерни не употребляю.

К. Коростомысловъ. Твое дѣло. Щипчики для сахара за полоскательной чашкой... Что давно не видно тебя?

Хлудовъ. Ремонтъ въ соборѣ, — нуженъ глазъ да глазъ...

К. Коростомысловъ. Какъ пріѣхала Татьяна Григорьевна, примѣчаю, сталъ ты рѣже бывать у меня... Иль возгордѣлъ дочерью?

Хлудовъ. Гордость — бѣсамъ радованіе. А что на счетъ дочери, такъ хлопотно, если говорить правду, Кузьма Нифонтовичъ: красавица дочка, ну и около нея... азартъ, какъ бы сказать... А она смиренница, молчальница, монастырка, евангелице любить почитать, житіе... Какъ-то намереніи не спалось, всталъ, вижу изъ своего окна въ ея окнѣ огонекъ, — окна у насъ насупротивъ. Что за диво? — думаю. Подошелъ тихонько по коридору, къ щелочкѣ замочной притокъ, а она у иконы, и свѣчка въ рукахъ... Постоялъ молча, думаю: „помяни и меня“ и... отошелъ къ себѣ... И какъ пріѣхала къ намъ, на первыхъ порахъ все скучала по своему монастырьку... Иной разъ моя Марья Осиповна придетъ ко мнѣ и слезится: „охъ, какъ бы грѣхъ на душе не принять, что взяли мы ее изъ монастыря!

Сейчасъ, молъ, сидитъ она въ своей свѣтелкѣ, а на глазахъ какъ будто стекло, — ничего не видитъ и не слышитъ!“ Ахъ, ты, грѣхъ, думаю, — какъ бы на самомъ дѣлѣ чего съ тоски надъ собой не сдѣлала!.. Но тутъ капризъ дѣвичьяго сердца произошелъ...

К. Коростомысловъ. Ну?

Хлудовъ. Свои мы люди, Кузьма Нифонтовичъ, и открою вамъ тайну ея сердца... Полюбила она! Много у насъ всякаго молодого народа толкалось, и ни къ кому она своего расположенія не высказывала, а вотъ съ недавняго времени сталъ вхожъ къ намъ одинъ молодой человѣкъ, изъ студентовъ, и замѣчаю я, — перемѣняться стала Таня! Другіе предлагаютъ ей руку — по Воскресенскому проспекту пройти, она — отказъ, а онъ предложитъ, — согласна. И книжечки свои монастырскія въ сторону отложила, а почитываетъ тѣ, какія онъ ей носитъ, — философіи разныя и исторіи. И про монастырь какъ будто забывать стала. У нея въ Сибири, въ монастырѣ, осталась одна подружечка-монастырочка, самая ея душевнѣйшая подружечка, по имени Феонія. И какъ пріѣхала Таня изъ Сибири, повелось такъ, что почти каждый день Таня отъ этой Феоніи писулечки получаетъ и ей отвѣчаетъ въ тотъ же часъ, не помедливъ во времени. И что же теперь? Феонія пишетъ по-прежнему, а наша примолкла и за-таилась... Знать, самое времячко ей пришло, — двадцать лѣтъ! И вотъ, Кузьма Нифонтовичъ, вы сегодня за мной посылали на счетъ какого-то дѣльца, а я еще раньше хотѣлъ надойти до васъ... Я отецъ, и лиха своей дочери не желаю, а молодой человѣкъ, котораго она любитъ, вамъ не чужой... вашъ племянникъ, Николай Степановичъ... Давайте обсудимъ, да, если сговоримся, и дѣло наладимъ...

К. Коростомысловъ. Ты говоришь... Татьяна Григорьевна... любитъ его?

Хлудовъ. Говорю, — любитъ!

К. Коростомысловъ (рѣшительно). Не можетъ быть.

Хлудовъ. И я, и Марья Осиповна примѣчаемъ...

К. Коростомысловъ. Не можетъ быть. Ошибся ты, Григорій Федосѣвичъ!

Хлудовъ. Кому знать лучше дочь, какъ не отцу родному! За свою дочь только отецъ и можетъ говорить.

К. Коростомысловъ. А поди, и тебѣ любъ былъ бы такой зятекъ?

Хлудовъ. Сказать по совѣсти, зятекъ былъ бы не дурной. Ученый...

К. Коростомысловъ. И богатый!

Хлудовъ. Богатство не грѣхъ.

К. Коростомысловъ. Поди, прикинулъ, сколько богатства?

Хлудовъ. Зачѣмъ считать чужое имѣніе? А только извѣстно всѣмъ, что Николай Степановичъ наслѣдникъ пропавшему отцу своему, Степану Нифонтовичу...

К. Коростомысловъ. Сдается мнѣ, старикъ, что не дочь твоя полюбила моего племянника, а ты!..

Хлудовъ. Какъ вамъ угодно понимать мои слова, Кузьма Нифонтовичъ,

К. Коростомысловъ. Ладно, ладно... (Пауза.) Слушай, старичекъ, — за сколько бы ты перепродалъ свою дочь?

Хлудовъ. Кузьма Нифонтовичъ!

К. Коростомысловъ. Ну, да, — сколько бы ты взялъ, если бъ дочь отдать не за племянника, а за дядю?

Хлудовъ. Кузьма Нифонтовичъ, Бога побойтесь, она вамъ въ дочери годится!

К. Коростомысловъ. Говори, не бойся, — никого около нѣтъ... Сколько? Хочешь... (Показываетъ на пальцахъ). Одинъ?.. Два?.. Пять?..

Х л у д о в ъ (беззвучно). Пятьдесятъ... (долгая пауза).

К. Коростомысловъ. Значить, ты требуешь съ меня почти все, до нитки... (Беретъ со стола телеграмму съ предложеніемъ поставки лѣса). Значить, сызнова начинать все придется?.. Согласенъ!.. Таня моя!..

Х л у д о в ъ. Когда же... деньги?

К. Коростомысловъ. Безпокоишься?.. Завтра объ эту пору задатокъ — пять... А черезъ недѣлю остальныхъ... Обобралъ ты меня, старикъ, какъ ночной пожаръ, — но Кузьма Коростомысловъ не боится: онъ нажилъ, онъ наживетъ и еще. Вотъ какъ разъ передъ твоимъ приходомъ полученъ заказъ на небывалый поставъ... Согласенъ, согласенъ на заказъ, — въ шесть мѣсяцевъ, только цѣна за это будетъ особая, четверная цѣна!.. Лѣсовикъ говоритъ: не успѣемъ вывезти. Самъ пойду таскать бревна, пассажирскіе пароходы заставлю везти лѣсъ, заводскихъ рабочихъ... контору погоню на сплавъ, а слово сдержу свое. Слово Кузьмы Коростомыслова, какъ колоколъ, — слышно всѣмъ!.. Въ старомъ заповѣдномъ лѣсу ждутъ моего удара старыя могучія деревья. Тукнетъ топоръ, и полягутъ они, какъ трава подъ косой... Высока у тебя растетъ трава, Кузьма Нифонтовичъ! Сцѣпятъ ее, точно хмѣлемъ, и пустятъ на воду, и поплыветъ она, и запрудитъ всѣ рѣки русскія, какъ мостами. Картина будетъ! Плыветъ плотъ, царь — плотъ! Какъ будто и не великъ онъ, а поди измѣрь въ длину да въ ширину! И гонятъ его не пары да капитаны въ форменныхъ фуражкахъ, — колдыбачутъ на немъ баграми російскіе мужичонки да помогаютъ вѣтры... Кама, Кама!..

(Входитъ Татьяна Хлудова, за ней Лѣсовикъ).

Т а т. Х л у д о в а. Кузьма Нифонтовичъ, я передала... Отчего вы такъ странно смотрите на меня Кузьма Нифонтовичъ? Я бѣжала... Я думала: я обрадую васъ...

пауза.
уешь
рамку
нать:
К. Коростомысловъ. Тяжко мнѣ стало вдругъ,
какъ будто черная тѣнь накрыла...

Тат. Хлудова. Когда я вошла?

(Входитъ Лѣсовикъ).

Завт
оста
жарь
ль, с
тъ пр
... С
сящен
а!... Л
таски
лѣ
лавъ.
слово
зап
ія д
тра
инфо
и вод
, как
арь -
рь в
капи
тъ в
ают:
К. Коростомысловъ. Да. (Вдругъ, сдѣлавъ усиліе).
Лѣсовикъ, заказъ принять! Я рѣшилъ! Не въ первый
разъ намъ съ тобой вытягиваться въ струнку, вытя-
немся еще разъ, — подсоби, старина! Заказъ сейчасъ
принялъ, Татьяна Григорьевна, — какого въ жизни еще
не принималъ. Пусть будетъ на ваше счастье, — по-
желайте, чтобъ удача была!

(Въ это время — нѣмая сцена между Хлудовымъ и
Лѣсовикомъ, — оба внимательно всматриваются другъ
въ друга).

Хлудовъ. Видѣлъ я тебя, дѣдушка, гдѣ-то!

Лѣсовикъ. Можетъ, и видѣлъ... А это твоя
дочь?

Хлудовъ. Дочь.

(Вдали пѣніе странниковъ).

К. Коростомысловъ. Это все отъ временъ
матушки осталось. Наносное, изъ лѣса... Какъ услышу,
— и представляется мнѣ нашъ лѣсъ... шорохъ посто-
янный отъ одного края до другого. Бывало, въ дѣт-
ствѣ, бредешь — бредешь въ зеленыхъ потемкахъ и
вдругъ, какъ лучъ солнца, — поляна! Любилъ я по-
ляны... Вотъ и сюда перебрался изъ лѣса, какъ на
какую поляну. Тутъ приволье! Кама, какъ на ладонкѣ,
верстъ на двадцать пять... И сижу я тутъ на своей
вышкѣ, какъ орелъ, — все видно и все подо мною!

Хлудовъ (забезпокоившись). Таня, пора домой,
солнце сѣло...

К. Коростомысловъ (прощается). И мы сей-
часъ контору закрываемъ.

(Хлудовъ съ дочерью уходятъ. Вдали пѣніе стран-
никовъ).

Лѣсовикъ. Кузьма, что хочешь дѣлать, погоди до ночи! (Медленно уходитъ).

(Управляющій приноситъ ключи).

К. Коростомысловъ (послѣ раздумья). Силычъ, сейчасъ поѣзжай въ Казань. Очень важное и срочное дѣло... Возьмешь въ банкѣ... Я напишу, сколько...

Управляющій. Слушаю, Кузьма Нифонтовичъ!

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната во флигелѣ, гдѣ живетъ Николай Степановичъ Коростомысловъ. Кровать, столъ, два стула, шкафъ съ книгами. На столѣ большой глобусъ. Обстановка даетъ впечатлѣніе кельи — тихой и сосредоточенной, и на фонѣ ея особенно понятенъ ея обитатель, полузатворникъ-полустудентъ, Николай Степановичъ.

Это не типъ молодого ученаго, ради ревности къ наукѣ отказавшагося отъ живой жизни. Онъ жизнененъ. Жизнь щедра къ роду Коростомысловыхъ: она наполнила собою широкоствѣтливый дубъ рода — дядю Кузьму Нифонтовича, и блѣдую блѣдную березку рода — Николая Степановича. И только замѣтно странное преображеніе этой жизни: на ней дальній золотистый нездѣшній отсвѣтъ, какъ на осенней березкѣ.

Откуда это преображеніе? Въ практической жизни Николай Степановичъ вращается мало, и ясно, что не практическая жизнь переработала зеленые соки этой березки рода Коростомысловыхъ. Возможно, что большую роль здѣсь сыграли воспитаніе въ дѣтствѣ и старыя книги, отлежавшійся слой вѣковой жизни, въ деревянныхъ, пахнущихъ кожей, воскомъ и ладаномъ, переплетахъ.

Онъ жизнененъ. И возможно, что родись онъ раньше, его рисовали бы теперь на священныхъ деревянныхъ доскахъ, какъ свѣточа этихъ дикихъ старыхъ мѣстъ. И народная память изобразила бы его такъ: съ темными большими глазами и блаженнымъ вѣрящимъ восторгомъ на счастливыхъ тонкихъ губахъ. И пѣла бы передъ образомъ величаніе человѣку, который жилъ какъ цвѣтокъ, — высокій, свѣтлый и блаженный.

Но Николай Степановичъ живетъ въ наши дни.

Онъ сейчасъ разбираетъ рукописныя сокровища, найденныя на чердакѣ. Ихъ много — нѣсколько большихъ ящиковъ и тюковъ. На столѣ, около глобуса, уже отложены нѣкоторыя книги. Среди нихъ замѣтно выделяется толстая старая рукописная библія.

Николаю Степановичу помогаетъ слуга Акинфій, — такой же старый, какъ Федоръ, если не старѣе.

Акинфій. Пыльца!

Ник. Коростомысловъ. Пыль вѣковъ, Акинфюшка!

(Недалеко пѣніе странниковъ).

Акинфій. Давно не слышали пѣнія духовнаго... Дядюшка, Кузьма Нифонтовичъ, не любитъ страннаго духа, какъ чортъ ладана.

Ник. Коростомысловъ. О чемъ они поютъ?

Акинфій (умиленно). Про Алексѣя, человѣка Божьяго... „И вернулся онъ да въ городъ свой... И свои его не признали“. Когда твоя бабушка была жива, во дворѣ странный да черный народъ кипмя кипѣлъ. Вотъ слышалъ я тогда отъ одного странника... Когда-то люди жили въ агромадныхъ садахъ. И сады такіе прекрасныя, что ни словомъ сказать ни перомъ описать. И въ этихъ садахъ Богъ запросто ходилъ между людей и бесѣдовалъ, какъ мы теперь съ тобою. Потомъ люди что-то набѣдокурили, и ихъ, стало быть, изгнали изъ садовъ... Съ той поры много воды утекло, а люди, вишь, помнятъ, что въ прекрасныхъ садахъ были и съ Богомъ бесѣдовали...

Ник. Коростомысловъ. Помнятъ, Акинфюшка?

Акинфій. Помнятъ. Странникъ сказывалъ: и я, говоритъ, помню, будто въ тонкомъ снѣ.

Ник. Коростомысловъ. А ты, Акинфюшка, помнишь?

Акинфій. (Подумавъ). Какъ будто помню, Николушка.

Ник. Коростомысловъ. Дай я тебя поцѣ-
лую, Акинфюшка. (Цѣлуеть).

(Въ дверь стучать).

Ник. Коростомысловъ. Это дядя. Онъ
обѣщаль зайти взглянуть на бумаги...

Акинфій. Гудка не было. Да и стукъ не его.
(Уходитъ и быстро возвращается). Странники Божьи про-
сятся впустить до тебя. Говорятъ, дѣло есть.

Ник. Коростомысловъ. Впусти.

Акинфій. Какъ бы дядюшка не засталъ, — не-
удовольствіе будетъ.

Ник. Коростомысловъ. Онъ придетъ, когда
контору закроетъ.

Акинфій. И то.

(Уходитъ и вводитъ двухъ странниковъ съ хитро перевя-
занными котомками за спинами, жестяными чайниками, пал-
ками. Странники истово крестятся и кланяются Ник.
Коростомыслову. Разговариваетъ изъ нихъ только
одинъ, Илларионъ, другой все время молчитъ).

Илларионъ. Миръ тебѣ и спасеніе. И по-
клонъ отъ родителя твоего, Степана Нифонтовича. И
благостыня Божія (достаеъ просфору) отъ святой кино-
віи Успенія Пречистой на Афонѣ, — за твое здоровье
часть была вынута за божественной литургіей... А дру-
гая вынута за упокой бабки твоей, Марфы Тимо-
феевны...

Ник. Коростомысловъ. Значитъ, отецъ, на
самомъ дѣлѣ, живъ? Слышишь, Акинфюшка?

Акинфій. Слышу, голубь. Слава тебѣ, Гос-
поди, — дождались красной вѣсточки! Только ты сна-
чала странниковъ Божіихъ пригласи хоть присѣсть, —
поди, дорога была не близкая... Откуда, старцы Божіи?

Илларионъ. Съ святой горы Афона. Трое насъ
шло, да одинъ тутъ пріотсталъ, послѣ подойдетъ.

Акинфій. Когда матушка, Марфа Тимофеевна, была живенька, много къ намъ народа честнѣго оттуда заживало, — и бывали старцы великой святости, которые свои монастыри покидали лишь затѣмъ, чтобъ въ лѣсъ къ нашей матушкѣ Марфѣ Тимофеевнѣ сходить за подаянiемъ...

(Странники снимаютъ котомки и размѣщаются на стульяхъ).

Акинфій. А какъ сюда переселились, пошло все въ умаленiе и пренебреженiе, — Кузьма Нифонтовичъ запретилъ матушкѣ принимать странныхъ гостей. Бывало, приведешь какого-нибудь святого челоуѣка украдкой, въ ночи, яко татя. И еще жива была покойница, а ужъ странный народъ перевелся на нашемъ дворѣ...

Илларионъ. Слышно, владѣтель вашъ серьезный?

Акинфій. Серьезный. И не дай Богъ, какой серьезный! Всѣ подъ нимъ ходимъ! Вотъ вы съ такого дальняго пути пришли, вамъ по христіанскому надо бы покой да самоварчикъ да постельку, а мы не смѣемъ, — пообѣщался самъ зайти, какъ контору закроетъ. А онъ вашего духа не терпитъ! Ужъ не взыщите, старцы честные, вечеркомъ вамъ и самоварчикъ и покой дадимъ, а сейчасъ, какъ гудокъ будетъ, скряться вамъ придется отсюда на время...

Ник. Коростомысловъ. Вы, значить, видѣли отца?

Илларионъ. Какъ же, видѣли...

Ник. Коростомысловъ. Я его не помню, но мнѣ кажется, когда я увижу его, я почувствую, что это онъ, отецъ мой...

Илларионъ. Молись, сынокъ, чтобъ ему на мысль вошло возвратиться въ отеческій домъ.

Акинфій. Когда бъ то было! Всѣ его у насъ поминаютъ, въ поминки записали — „раба Божьяго без-

вѣстнаго Степана*. Никто не вѣритъ, что онъ не живой...

Илларіонъ. И намъ онъ передъ отправленіемъ нашимъ съ святой горы сказывалъ, что будто хочетъ онъ на склонѣ дней своихъ покинуть обитель и уйти въ лѣсъ и основать тамъ большой монастырь по чину святой горы...

Акинфій. Въ какихъ же мѣстахъ?

Илларіонъ. Въ Тихихъ горахъ.

Акинфій. Это гдѣ Хлудовскую барыню нашли убіенную?

Илларіонъ. Въ этомъ самомъ мѣстѣ... Хлудовъ баринъ живъ?

Акинфій. Живъ. А развѣ знакомъ?

Илларіонъ. Знакомъ.

Акинфій. Живъ. Древень, но бодро существуетъ... Съ тѣхъ поръ, какъ барыню его первую зарѣзали, перемѣнился, — сталъ вродѣ какъ монахъ. Даже платье сшилъ вродѣ монашескаго. На обители сталъ жертвовать. Богадѣльню построилъ. Титоромъ въ соборѣ болѣе десяти лѣтъ состоитъ. Медаль золотую на шею получилъ. Отъ первой жены у него дочка была, — года за два до смерти матери родилась. Какъ зарѣзали мать, онъ ее въ Сибирь къ сестрѣ убіенной отправилъ, гдѣ та была игуменьей. А какъ тетка игуменья померла, стала его теперешняя вторая жена, Марья Осиповна, просить — „возьмемъ да возьмемъ Таню къ себѣ“, потому своихъ дѣтей у нея нѣту. Ну, взялъ онъ, и души въ ней не чаешь. Какъ тѣнь, куда она, туда и отецъ... Дочь то красива, ажъ страшно! Въ мать вся, въ убіенную. И умница, и благочестивая...

(Гудокъ).

Акинфій. Ну, старцы святые, выведу я васъ за ворота, вы и посидите тамъ на скамеечкѣ. Какъ самъ пройдетъ, я гукну вамъ...

Илларіонъ. Спаси Христосъ!

(Уходятъ въ сопровожденіи Акинфія. Ник. Коростомысловъ задумчиво ходитъ по комнатѣ, зажигаетъ лампу. Возвращается Акинфій).

Акинфій. Слава Богу, духомъ страннымъ дышали!

Ник. Коростомысловъ. Акинфюшка, сдается мнѣ, будто я древній, древній старецъ, и вотъ то, что сейчасъ происходило — странники, извѣстіе объ отцѣ, уже было давно-давно... Усталъ я. И голова болитъ...

Акинфій. Ты прилягъ, голубь... Дядюшка чай, должно, кушать будетъ, — становить самоваръ?

Ник. Коростомысловъ. Станови.

(Стукъ въ дверь).

Акинфій. Вотъ онъ, легокъ на поминѣ!

(Входитъ Кузьма Коростомысловъ. Онъ замѣтно возбужденъ, — его разговоръ легокъ, улыбка не сходитъ съ лица).

К. Коростомысловъ. Не знаю, племянникъ, къ чему это, — на осенняго Кузьму-Даміана мнѣ стукнетъ пятьдесятъ лѣтъ, а я какъ будто все молодѣю. Силу страшную въ себѣ чувствую. Вотъ сейчасъ взялъ такой подрядъ, что и въ молодости зачурался бы отъ него. Самъ Лѣсовикъ былъ противъ: „не успѣемъ вывезти“, — а я взялъ. И легко взялъ, играючи...

Ник. Коростомысловъ. Жестокое, все-таки, у тебя, дядя, дѣло, — все равно, какъ убійство. Иду я вчера берегомъ, караванъ сгружали... И представилось мнѣ, какъ эти гладкіе стволы еще недавно стояли въ своемъ лѣсу въ покоѣ и силѣ и трепетали, какъ живыя... Жаль стало, и опротивѣло наше дѣло... У древнихъ мудрецовъ была заповѣдь: „щадите души растений“.

К. Коростомысловъ. А видѣлъ ли ты, какъ рубятъ лѣсъ?

Ник. Коростомысловъ. Нѣтъ, не видѣлъ...

К. Коростомысловъ. То-то!... Весело, племянникъ! Заговорить лѣсъ подъ топоромъ, какъ живой... Убійство... Что-жъ, вродѣ какъ убійство. А, поди, убійство страшно? Жутко, поди, а весело, а?...

Ник. Коростомысловъ. Такъ, должно быть, говорили наши предки по мужской линіи, удалые волжскіе разбойники, пока наша прабабка, Татьяна Власьевна, именитая нижегородская купчиха, не вышла за одного изъ нихъ замужъ...

К. Коростомысловъ. Изъ бумагъ узналъ родословіе?

Ник. Коростомысловъ. Изъ бумагъ... Оказывается это по женской линіи мы именитые русскіе купцы, а по мужской мы потомки вольной голытьбы, какая сидѣла когда-то на Волгѣ, въ Жигуляхъ, и высматривала добычу. Одинъ изъ нашихъ предковъ, Гаврила, по прозванію Копье, засѣченъ въ одинъ годъ со Стенькой Разинымъ за общія дѣла... Эти двѣ линіи скрестились при прабабкѣ нашей, Татьянѣ Власьевнѣ, именитой нижегородской купчихѣ, взявшей себѣ въ мужа молодца статна изъ села Краснаго, что въ Жигулевскихъ горахъ... Какіе характеры, дядя! Именитая богобоязненная купчиха, для спасенія души монастырь въ честь Покрова поставившая въ заокскомъ краѣ, встрѣчается гдѣ-то, — можетъ въ городѣ, можетъ, въ лѣсахъ, съ молодцомъ статнымъ, который занимается совсѣмъ не благочестивымъ дѣломъ — высматриваетъ съ горъ добычу подъ парусомъ, и вотъ романъ... И вотъ въ нашемъ коростомысловскомъ родѣ течетъ кровь — то разбойничья, жестокая, веселая, то — тихая, отъ красныхъ лампадокъ, отъ дальнихъ дорогъ, отъ монастырей. Нашъ коростомысловскій родъ представляетъ галерею своеобразныхъ интересныхъ портретовъ. Но замѣтите, дядя, есть на всѣхъ нихъ какой-то рокъ: до 50 лѣтъ — орлы, а какъ переступилъ этотъ предѣлъ, сразу перемѣна: тяга въ дальнюю дорогу, въ

монастыри... Въ нашемъ родѣ чрезвычайно много монаховъ и странниковъ... Одинъ отецъ — исключеніе: онъ ушелъ изъ дома, когда ему не было сорока лѣтъ...

К. Коростомысловъ. И еще одно исключеніе будетъ въ твоей галлерей, племянникъ, — только въ другую сторону... Кузьма Коростомысловъ. Я, племянникъ, не сдамся. Вотъ видишь, каковъ я, — таковъ буду всегда. Люба мнѣ жизнь, и весело жить! Весело жить, — понимаешь ли ты это слово, племянникъ?

Ник. Коростомысловъ. Конечно, понимаю.

К. Коростомысловъ. Нѣтъ, ты не понимаешь! Не можешь понять, потому что ты не веселый... ты... какъ всѣ... отшлифованный... Вотъ ты мнѣ все свои книги даешь: дядя, прочтите, — интересная книга! Читаю. Читаю ради фирмы, потому что иначе скажутъ: глава фирмы — мужикъ. Читаю исторіи, романы... Но мысли у меня текутъ вдали отъ твоихъ книгъ, — мужичьи мысли, лѣсныя мысли... Вонъ твои ученые землицу-матушку во образѣ шара представили и вертѣться заставили. А знаешь, коли по совѣсти, то не вѣрю я твоимъ ученымъ. По моему, какъ въ старину говорили на счетъ трехъ китовъ, крѣпче, а? Что смѣешься? Или, по твоему, земля на самомъ дѣлѣ вертится?

(Ник. Коростомысловъ киваетъ головою).

К. Коростомысловъ. И блеситъ, какъ звѣзда?

Ник. Коростомысловъ. И блеситъ.

К. Коростомысловъ. И на этой звѣздочкѣ я сижу?

Ник. Коростомысловъ. Всѣ, всѣ люди, дядя, живутъ на звѣздѣ и овѣваются дыханіемъ безпредѣльнаго мірового океана! И должны жить на звѣздѣ. Люди — это существа особой благородной крови. Есть звѣриная кровь, а есть человѣчья кровь...

К. Коростомысловъ. По моему, по мужичьему, все равно...

Ник. Коростомысловъ. Если бъ все равно, не было бы исторіи человѣчества, а была бы одна „жизнь животныхъ“ Брэма... Не было бы и вотъ этой книги (Показываетъ на Библію).

К. Коростомысловъ (съ любопытствомъ). Какъ будто въ дѣтствѣ видѣлъ такую книгу у матушки... (Читаетъ). „Библія“... „Первая книга Моисеева... Бытіе“... Насилу разберешь, — поди, древняя, на самомъ дѣлѣ, книга?

Ник. Коростомысловъ. Древнѣйшая! Обрати вниманіе, — *рукописная!* И какой оригинальный почеркъ! Смотри, какое о... у... Эта заставная буква К сдѣлана киноварью, — горитъ, какъ коралль! И бумага, — слышишь, гремитъ, какъ пергаментъ!... И понюхай — чѣмъ пахнетъ?...

К. Коростомысловъ. Кислымъ какъ будто...

Ник. Коростомысловъ. Временемъ пахнетъ!... И вотъ здѣсь, въ концѣ, книга надписана — „раби Божіи Лука, Тихонъ, Досифей, Іосафъ“... дальше не разберешь... „въ мирѣ о Господѣ и въ чаяніи живота“... Вѣроятно, писатели книги... Навѣрно, цѣлое поколѣніе — дѣдъ, отецъ, сынъ, внукъ... Перелисталъ я эту книгу, и представилось мнѣ, какъ далекіе наши предки цѣлыя долгія жизни писали эту книгу — строка за строкой, страница за страницей... Какой грѣхъ тяготилъ ихъ душу? Или, наоборотъ, — какая свѣтлая мечта о высокомъ волновала ихъ въ это время? И кто они, эти писатели книги, и гдѣ ихъ могилы?... Когда я сталъ читать эти строчки, мнѣ показалось, будто они, далекіе писатели, заговорили со мною своими странными рукописными буквами... И стало страшно. Я вотъ здѣсь остановился — на четвертой главѣ: разсказъ о Каинѣ и Авелѣ... Какая простота и сила выраженія! (Читаетъ). „И когда они были на полѣ, возсталъ Каинъ на Авеля, брата своего, и убилъ его. И сказалъ Господь Каину: гдѣ Авель, братъ твой? Онъ сказалъ: не знаю, развѣ

я сторожъ брату моему?... И сказалъ Господь: что ты сдѣлалъ? Кровь брата твоего вопіетъ ко мнѣ отъ земли. И нынѣ проклятъ ты отъ земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего отъ руки твоей. Когда ты будешь воздѣлывать землю, она не станетъ давать болѣе силы своей для тебя; ты будешь изгнанникомъ и скитальцемъ на землѣ“...

К. Коростомысловъ (заинтересованный). Ну?...

Ник. Коростомысловъ (продолжая). „И сказалъ Каинъ Господу: наказаніе мое больше, нежели снести можно. Вотъ Ты теперь сгоняешь меня съ лица земли, и отъ лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанникомъ и скитальцемъ на землѣ; и всякій, кто встрѣтится со мною, убьетъ меня. И сказалъ ему Господь: за то всякому, кто убьетъ Каина, отмстится всемеро. И сдѣлалъ Господь Каину знаменіе, чтобы никто, встрѣтившись съ нимъ, не убилъ его. И пошелъ Каинъ отъ лица Господня“...

(Пауза).

К. Коростомысловъ. Будто это страшно...

Ник. Коростомысловъ. Что, дядя?

К. Коростомысловъ. Что никто не прикоснется къ убійцѣ? Еслибъ на самомъ дѣлѣ страшно было, Каиново дѣло не повторялось бы... Значить, не страшно... значить, это такъ — для острастки... значить, черезъ это перейти можно!...

Ник. Коростомысловъ. Нельзя, дядя!

К. Коростомысловъ. Чудакъ! Въ твоихъ же книгахъ сказано: сколько человѣкъ лилъ человѣчьей крови! То войну ведетъ, то междуусобіе дѣлаетъ... крови рѣки!... Въ газетахъ почти каждый день: тамъ убили, тамъ убили... Недалеко за примѣромъ ходить. Лѣтъ двадцать тому назадъ въ лѣсу зарѣзали жену нашего соборнаго ктитора Хлудова, Григорія Федосѣвича, — самъ видѣлъ тѣло. Вотъ тутъ (показываетъ на шею) маленькій кровавой желобочикъ...

Ник. Коростомысловъ. А *его* видѣлъ?

К. Коростомысловъ. Кого *его*?

Ник. Коростомысловъ. Кто убилъ...

К. Коростомысловъ. Нѣтъ, — неизвѣстно, кто убилъ... Убийца утекъ... Напрасно, племянникъ, обнаруженія человѣчьей крови не признаешь, — въ нашемъ, коростомысловскомъ, лѣсу пролилась, — говорю тебѣ, — человѣчья кровь... Это тебя книги портятъ, — засохъ ты въ нихъ, какъ цвѣтокъ безъ воды. Вотъ если бъ былъ живъ твой отецъ, можетъ быть, онъ разсказалъ бы тебѣ, что... бываетъ, когда кровь человѣчья землю пачкаетъ...

Ник. Коростомысловъ. Почему упомянулъ про отца?

К. Коростомысловъ. И онъ видѣлъ. Мы въ это время въ лѣсу жили...

Акинфій. Батюшка, Кузьма Нифонтовичъ, Николай Степановичъ на самомъ дѣлѣ крови не переносятъ, — увидятъ если кровь на пальцѣ, поблѣднѣютъ и, того гляди, упадутъ...

К. Коростомысловъ. Не въ предковъ, значить, потомокъ... Что сказала бъ наша прабабка... Татьяна Власьевна?... Поди, не любила бы тебя, какъ любила своего молодца-разбойничка? А, должно быть, красавица была, если собою сманила вольнаго молодца въ золотую клѣтку... И, значить, любо и ей было, что въ молодцѣ-то текла не водица, а удалая разбойничья кровь!...

(Нерѣшительный стукъ въ дверь. Акинфій, испуганный, очевидно, за то, что это пришли странники, бормоча на ходу, бѣжитъ въ переднюю. Ник. Коростомысловъ выжидательно смотритъ на дверь).

К. Коростомысловъ. Ты словно кого-то ожидаешь?

Акинфій (дѣлаетъ знаки Ник. Коростомыслову). Николушка!... Извините, батюшка, Кузьма Нифонтовичъ...

Николушка, тебя спрашиваютъ... (Шепчетъ на ухо Ник. Коростомыслову).

Ник. Коростомысловъ (удивленно). Ко мнѣ? Акинфій. Къ вамъ, — по очень важному экстренному случаю, — говорить.

Ник. Коростомысловъ (въ нерѣшительности). Дядя... тамъ пришла... пришла Татьяна Григорьевна... не знаю, зачѣмъ... Услышала, что ты здѣсь, и стѣсняется. Я позову ее...

К. Коростомысловъ (какъ будто не вѣря). Зови!

(Пауза. Ник. Коростомысловъ возвращается вмѣстѣ съ Татьяной Хлудовой. Она очень блѣдна).

Ник. Коростомысловъ. Вы напрасно смущаетесь. Никого у меня сейчасъ нѣтъ, кромѣ дяди; здѣсь и о дѣлѣ можно поговорить.

Т. Хлудова. Здравствуйте, Кузьма Нифонтовичъ!... Я не потому не хотѣла заходить къ вамъ, Николай Степановичъ, что у васъ дядюшка, а потому, что я чрезвычайно спѣшу. Кузьмѣ Нифонтовичу я вѣрю, и думала такъ, что если у васъ неудача меня постигнетъ, пойду прямо къ нему и расскажу все... Я сяду, все-таки... Я всю дорогу изъ города бѣжала... Какъ будто свистокъ?

Ник. Коростомысловъ. Первый свистокъ почтовому пароходу вверхъ...

Т. Хлудова. Николай Степановичъ, я бѣгу изъ дома — туда, въ Сибирь, въ монастырь... Тайно отъ отца... Отецъ сейчасъ объявилъ, что желаетъ выдать меня замужъ... за кого — онъ не сказалъ... А я замужъ не хочу, я въ свой монастырекъ хочу... Мнѣ надо успѣть на пароходъ, иначе придется ждать утра Николай Степановичъ, дайте мнѣ займы рублей тридцать. Я какъ приѣду, верну вамъ сейчасъ же...

Ник. Коростомысловъ. Татьяна Григорьевна, я съ удовольствіемъ бы... я понимаю васъ... но у меня

совершенно ни копѣйки... Но вотъ дядя дастъ. Дядя, слышалъ, — надо тридцать рублей на дорогу...

(Рѣзкій стукъ въ дверь. Акинфій выбѣгаетъ, слышенъ разговоръ).

Т. Хлудова. Голосъ отца!

Ник. Коростомысловъ. Войдите въ ту комнату.

(Выбѣгаетъ Хлудовъ. Видъ растерянный).

Хлудовъ (къ Акинфію). Мнѣ нечего съ тобою препираться, старый дуракъ!... Здравствуйте, Кузьма Нифонтовичъ... У насъ бѣда: Таня скрылась неизвѣстно куда... Пожурилъ я ее, забылъ, старый оселъ, что она — какъ порохъ... Потомъ Марья Осиповна заглянула къ ней въ комнату, а ее нѣтъ... Выбѣжалъ я изъ дома, какъ сумасшедшій. Разспросилъ прохожихъ... сторожей ночныхъ... слѣды выходятъ сюда — на заводы, на пристани... На пристани былъ, — сказали въ кассѣ — не видѣли ее...

К. Коростомысловъ. Куда же это дочь сбѣжала у тебя, старикъ? Говорилъ, — благочестивая, а она изъ дома бѣгаетъ по ночамъ да, можетъ, у молодыхъ людей въ темныхъ комнатахъ сидитъ... Смотри, — подмоченный товаръ мнѣ не надобенъ...

Хлудовъ (притворно весело). Ахъ, я, старый дуракъ... Совсѣмъ изъ ума выжилъ! Забылъ, что она должна быть сегодня у Тиховыхъ. Сама послѣ обѣда говорила, что пойдетъ къ нимъ сегодня вечеромъ, — Катя, младшая самая дочка, у нихъ рожденница... Празднество не празднество, а подружки соберутся... Ай, старый дуракъ! Какой водевиль разыгралъ! Прощайте, Кузьма Нифонтовичъ! Извините пожалуйста за беспокойство... Прощайте, Николай Степановичъ!...

(Уходитъ. Изъ другой комнаты показывается Татьяна Хлудова и смотритъ на К. Коростомыслова).

К. Коростомысловъ (усмѣхаясь). Поняла? Такъ

вотъ ты какова на самомъ дѣлѣ! А хотѣлъ я придти къ тебѣ честь-честью, съ поклономъ, — иди жить ко мнѣ вѣрной женой!...

Ник. Коростомысловъ. Дядя!

К. Коростомысловъ. Прочь, щенокъ!... Ты! Выбирай! Или ты сейчасъ согласишься... Или я позову сюда изъ баракъ самыхъ пьяныхъ... самыхъ дикихъ грузчиковъ... Уйди, убью, щенокъ! А потомъ я запроу тебя къ своимъ лебедушкамъ, краснымъ дѣвицамъ, которыя живутъ во флигелѣ, — слыхала, чай? Но не лебедушкой, а служкой этихъ лебедушекъ, — Кузьма Коростомысловъ объѣдковъ не любитъ!... Или ты, можетъ, думаешь, что я права не имѣю? Имѣю полное право. Сегодня я купилъ тебя за свои кровныя чистыя денежки у твоего отца...

Ник. Коростомысловъ (истерически). Это гнусно... гнусно!...

К. Коростомысловъ. Ты что вопишь, щенокъ? Воли много я далъ тебѣ? Такъ волю эту я же и сокрушу. Я давно до тебя добираюсь... Вотъ тутъ, въ карманѣ, бумага... Завтра же, нынче же по этой бумагѣ заключу тебя въ этомъ флигелѣ, какъ въ темницу, навѣки вѣковъ... Окна забрать прикажу желѣзомъ, стражу поставлю, и сгною, сгною!... (Къ Т. Хлудовой:) Ну, ты, — выбирай!

Т. Хлудова (странно измѣнившаяся). Никогда! Ни за что!

Ник. Коростомысловъ (поднимаетъ руку кверху, словно хочетъ разсѣять грозу). Мой отецъ живъ. Я сегодня получилъ извѣстіе о немъ...

К. Коростомысловъ. А, такъ-то... Эй, кто тамъ есть, — зовите сюда сторожей, да чтобъ возжи захватили съ собой!...

(За дверями движеніе. Входятъ три странника, — два давешнихъ и одинъ новый. Сзади нихъ Акинфій).

К. Коростомысловъ (пораженный). Братъ
Степанъ!...

Новый странникъ. Здравствуйте, братецъ,
Кузьма Нифонтовичъ!

(Низко и истово кланяется. Кланяются и остальные
странники).

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

На другой день, вечеръ.

Маленькая комната въ старомъ Коростомысловскомъ домѣ, который занялъ съ сыномъ и странниками прибывшій Степанъ Нифонтовичъ Коростомысловъ. Два узенькихъ подслѣповатыхъ окошка. Печка-полулежанка со старинными изразцами. Старинная богатая, хорошо сохранившаяся мебель. Въ углу божница изъ темныхъ, съ золотомъ, иконъ. Рукодѣльные хитро вышитые коврики на полахъ и стѣнахъ, — досугъ старинныхъ долгихъ старушечьихъ вечеровъ. Какъ-то невольно чувствуется, что комната была въ забвеніи, и въ ней хорошо сохранился духъ прежней жизни, перенесенной сюда изъ лѣса. Кажется, что вотъ сейчасъ откроется дверь, и бывшая старая хозяйка, Марфа Тимофеевна, вернется изъ церкви, шурша старушечьимъ шелковымъ платьемъ, съ просфорой, — умиротворенная, ласковая, праздничная, сотворить поклонъ передъ темною божницею и прикажетъ Акинфію подавать маленькій ярко вычищенный самоваръ.

Двѣ двери, обѣ плотно закрытыя: одна, растворчатая, въ залу, другая, простая, въ комнату, которую сейчасъ занимаетъ Николай Коростомысловъ. За дверью, въ залѣ, идетъ веселый пиръ по случаю возвращенія въ отеческій домъ Степана Нифонтовича.

Татьяна Хлудова, въ томъ самомъ костюмѣ, въ какомъ была вчера, одна въ комнатѣ: она то прислушивается къ шуму въ залѣ, то смотритъ въ оконце, за которымъ густѣютъ сумерки. Видимо, очень волнуется.

Входитъ Николай Степановичъ — одѣтъ очень хорошо.

Т. Хлудова. Тише, ради Бога! Услышать! Я земли подъ собою не чувствую отъ страха... Зачѣмъ вы приходите такъ часто? Кто-нибудь, можетъ, прослѣдить...

Ник. Коростомысловъ. Татьяна Григорьевна, даю вамъ честное слово, — никто даже не подозреваетъ, что вы здѣсь скрываетесь! Планъ простой, но раскусить его нелегко. И это не мой планъ. Я читалъ гдѣ-то, какъ какой-то каторжникъ бѣжалъ съ Сахалина, — его искали всюду, а онъ, оказывается, жилъ на Сахалинѣ, рядомъ съ каторгой...

Т. Хлудова (вздрагивая). Страшно!

Ник. Коростомысловъ. Я примѣръ привелъ этотъ неудачный, — простите... Но, честное слово, никто не думаетъ, что вы здѣсь... Знаетъ только одинъ Акинфій. Я нарочно сейчасъ заводилъ кое съ кѣмъ рѣчь о васъ стороною, — никто не знаетъ о вашемъ исчезновеніи изъ родительскаго дома. Очевидно, Григорій Федосѣвичъ скрываетъ это по какимъ-то соображеніямъ...

Т. Хлудова. Онъ здѣсь?

Ник. Коростомысловъ. Родитель вашъ?

Т. Хлудова. Д... да...

Ник. Коростомысловъ. Здѣсь. И принимаетъ участіе въ весельѣ. Я видѣлъ, какъ онъ плясалъ...

Т. Хлудова (нерѣшительно). А дядя вашъ... Вы съ нимъ разговаривали?

Ник. Коростомысловъ. Да. Я, собственно, не хотѣлъ послѣ вчерашней дикой выходки, но онъ самъ подошелъ и заговорилъ... „Ты — человѣкъ?“ — спрашиваетъ. — „Человѣкъ!“ — „Выпьемъ за человѣка!..“ И такъ ласково, какъ будто ничего не было. Но только видно, что хочетъ что-то спросить у меня, да мѣшаетъ гордость. Про васъ хочетъ спросить, — онъ чувствуетъ, что я что-то знаю...

Т. Хлудова. Онъ не спросилъ ничего про меня... такъ... что бы прямо?

Ник. Коростомысловъ. Нѣтъ. Но я разговаривалъ съ нимъ очень не долго. Онъ больше со старцами, по душѣ пришлились, особенно одинъ, Илларионъ, съ богатымъ прошлымъ, вѣроятно, человѣкъ. И не поймешь, насмѣхается ли онъ надъ ними или впрямь уважаетъ. То плясать ихъ заставляетъ, то заставляетъ пѣсни пѣть монашескія, и у самого на глазахъ слезы... Вотъ слышите, это про пустыню поютъ... Монашеская пѣсня.

Т. Хлудова. Я знаю эту пѣсню, — у насъ въ монастырѣ пѣвали чернички...

(Пауза).

Ник. Коростомысловъ. Пароходъ снизу придетъ въ восемь. Осталось часъ пять минутъ. Но напередъ надо подготовиться. Отецъ вашъ вида не подаетъ, что беспокоится, но онъ, навѣрно, принялъ какія-нибудь мѣры. Я увѣренъ, что на пристани кто-нибудь дежуритъ по его приказанію, — не сядете-ли вы на пароходъ? Надо и намъ предпринять кое-что. Я думаю, вамъ лучше бы всего переодѣться, — я достану черезъ Акинфія платье его внуки. И идти на пароходъ одной. А я потомъ приду проститься...

Т. Хлудова. Пароходъ не опаздываетъ?

Ник. Коростомысловъ. Я справлялся въ конторѣ. Сказали, идетъ въ свое время.

Т. Хлудова. Тише, — кричить!

Ник. Коростомысловъ. Это дядя. Онъ пляшетъ и выкрикиваетъ, какъ въ старину...

Т. Хлудова. Хотѣла бы я посмотрѣть... этотъ старинный плясъ... Никогда не видѣла... Такъ надо переодѣться?

Ник. Коростомысловъ. Надо. Я сейчасъ принесу.

Т. Хлудова. Николай Степановичъ... А слѣ-

дующій пароходъ вверхъ идетъ въ шесть часовъ утра?

Ник. Коростомысловъ. Да. Любимовская линія — шесть утра...

Т. Хлудова. Николай Степановичъ... а что, если мнѣ поѣхать утромъ?

Ник. Коростомысловъ. Какъ хотите, Татьяна Григорьевна. Но я не понимаю, — сегодня утромъ вы сказали — вечеромъ, а вечеромъ говорите — утромъ. Какая-то у васъ тайна есть, Татьяна Григорьевна. Словно вы чего-то ожидаете и молчите, — я это вижу... И мнѣ это больно, Татьяна Григорьевна, — то есть то, что вы молчите. Я вашъ другъ, я вѣрю вамъ во всемъ, а вы какъ будто не вѣрите мнѣ. Я готовъ ради васъ на все, на все... Я не знаю, что со мною, но я не узнаю себя, — не мило мнѣ все то, что было мило. Вотъ вы собираетесь въ Сибирь, въ какой-то далекій бѣлый монастырекъ. А знаете, всю сегодняшнюю ночь и день я вижу какъ наяву этотъ вашъ монастырекъ, и васъ — въ немъ, и кажется, что съ великой бы радостью я оставилъ все, чѣмъ жилъ до сихъ поръ, чтобы хотя издали итти за вами, смотрѣть на васъ... Татьяна Григорьевна...

Т. Хлудова. Николай Степановичъ, не надо такъ говорить. Это грѣхъ.

Ник. Коростомысловъ. Таня!..

Т. Хлудова. Не трогайте меня... Отпустите меня, Николай Степановичъ... Не гнѣвайтесь на меня. Я уважаю васъ... Пожалѣйте меня... Я прожила въ міру восемь мѣсяцевъ, а столько насмотрѣлась, столько натерпѣлась... Трудно мнѣ, Николай Степановичъ. Красота моя жжетъ меня, какъ будто кто проклялъ меня ею... А тамъ бы я ее подъ черную шапочку, и постомъ, и слезами свела бы ее, окаянную...

Ник. Коростомысловъ. Простите меня, Татьяна Григорьевна, — я не сдержался.

Т. Хлудова. Идите въ залъ. Ваше отсутствіе могутъ замѣтить и начнутъ искать васъ... Принесите мнѣ платье, — я переодѣнусь. Я уѣду сегодня непременно. (Дѣлаетъ надъ собой чрезвычайное усиліе). Остановитесь, Николай Степановичъ... Вы не подумайте, что я сошла съ ума... Я вамъ вѣрю, — вы настоящій другъ мой...

Ник. Коростомысловъ. Я все сдѣлаю, Татьяна Григорьевна, — что вы не попросите.

Т. Хлудова. Позовите сюда, въ комнату, дядю вашего... Кузьму Нифонтовича...

Ник. Коростомысловъ. Татьяна Григорьевна...

Т. Хлудова. Знаю, знаю все, что вы мнѣ скажете... Мнѣ надо его видѣть.

Ник. Коростомысловъ. Татьяна Григорьевна, дядя — самый [главный изъ тѣхъ, отъ которыхъ надо скрывать ваше настоящее пребываніе. Вы идете прямо въ клѣтку къ звѣрю...

Т. Хлудова. Да. Такъ надо. Я прошу васъ.

Ник. Коростомысловъ. Я исполню вашу просьбу...

Т. Хлудова. И сами, сами приходите вмѣстѣ съ нимъ.

(Ник. Коростомысловъ уходитъ. Въ залѣ пѣніе старыхъ волжскихъ пѣсень. Входятъ Кузьма Нифонтовичъ и Николай Степановичъ).

Ник. Коростомысловъ. Дядя, тебя желаетъ видѣть Татьяна Григорьевна.

Т. Хлудова. Да, я просила привести васъ сюда... Простите меня за это беспокойство... Я хотѣла спросить васъ... Вчера... тамъ... во флигелѣ... у Николая Степановича... вы бросили мнѣ, что отецъ продалъ меня вамъ. Правда это? Скажите, правда это? Не лгите... Я знаю, что вы не солжете...

К. Коростомысловъ. Правда... правда, Та-

тьяна Григорьевна! И не будетъ тому получаса, какъ родитель вашъ ко мнѣ подходилъ и на часы показывалъ, — срокъ, де, платить по вчерашнему договору. А я, грѣшный человѣкъ, поддразнилъ: плату требуешь, а товаръ гдѣ, купецъ? Развѣ я не знаю, что товаръ у тебя въ бѣгахъ находится? То есть, думалъ я, Татьяна Григорьевна, что въ бѣгахъ и, правду сказать, не предполагалъ, что такъ близко, въ старой свѣтелкѣ, спасается красная дѣвица. И сказать правду — лютъ на васъ вашъ родитель. Какъ сказалъ я ему, что вѣдомо мнѣ, что вы скрылись, да какъ разжегъ, къ тому же, вотъ этой бумажкой, — издали ему показалъ, — даже мнѣ страшно стало, что съ нимъ сдѣлалось, — вотъ тутъ этакая жилка черная забила, какъ живая, и глаза пыхнули, какъ огнемъ... И сказалъ только: вижу, что слово свое вы сдержали, Кузьма Нифонтовичъ, — такъ и я свое сдержу, не будь я Григорій Хлудовъ...

Т. Хлудова. Какая это бумажка?

К. Коростомысловъ. Плата условленная... Задатокъ...

Т. Хлудова. Сколько здѣсь?

К. Коростомысловъ. Пустяки. Задатокъ.

Т. Хлудова (настойчиво). Сколько?

К. Коростомысловъ. Пять миліоновъ.

(Пауза).

Т. Хлудова. Очень дорого... За Кого-то всего дали 32 сребренника, — я читала...

Ник. Коростомысловъ (въ испугѣ). Татьяна Григорьевна! Татьяна Григорьевна!.. Дядя, что вы дѣлаете?!

Т. Хлудова. Такъ, значить, проданная я?.. Раба я?.. Значить, на самомъ дѣлѣ, во флигель свой, какъ вчера говорили, можете меня засадить — къ своимъ лебедушкамъ? Такъ нѣтъ же еще на свѣтѣ силы, которая бы сдѣлала меня рабой... проданной рабой!.. Николай Степановичъ!.. Коля! Я тоже люблю васъ... О,

какъ я люблю тебя! И я раздумала ѣхать въ монастырь, — здѣсь у васъ веселѣе... Ну же, не бойся! О, какъ я тебя люблю, больше всего на свѣтѣ, больше отца своего... Ну, Кузьма Нифонтовичъ... Пока „Кузьма Нифонтовичъ“, а завтра „дядя“, родней мы, все-таки, будемъ съ вами, потому что завтра же свадьба наша. Мы женихъ и невѣста!.. Кузьма Нифонтовичъ, поздравьте насъ, вы первый слышите эту новость. Или боитесь? Бумажка-то... не пригодилась... Что съ ней теперь, съ этой бумажкой, дѣлать? Поди, одно: растопить печку жарко, да въ печку...

Ник. Коростомысловъ. Я понимаю, Татьяна Григорьевна, ваше состояніе...

Т. Хлудова (перебивая). Не Татьяна Григорьевна, а Таня! Твоя Таня, навсегда Таня! Ты радъ? А я то рада, и нельзя передать — какъ!.. Завтра же свадьба! Я помню, — раньше ты рассказывалъ, — помнишь у перевоза, на скамейкѣ, — о курсахъ, о томъ, какъ хорошо работать вдвоемъ, — я все тогда понимала, только виду не подавала... И я потомъ долго-долго объ этомъ думала, о намекахъ твоихъ... И вотъ будетъ теперь такъ, какъ ты говорилъ. Я буду учиться, — долго, усердно, день и ночь. Я способная, я въ монастырѣ первой золото-швеей была... Ты будешь ходить въ свой университетъ. Придешь — усталый, книжки на столъ положишь, кликнешь: „Танюша!“ — ты меня звать будешь не Таня, а Танюша, — такъ меня въ монастырѣ матушка Таисія звала... „Танюша!“ А я раньше тебя на часъ съ курсовъ прибѣжала и у меня въ комнаткѣ керосинка горитъ, — обѣдъ студенческой готовлю... „Танюша!..“ — „Я здѣсь, мой милый!..“ скажу я.

Ник. Коростомысловъ (безвольно). Таня!

Т. Хлудова. Я устала... Голова кружится. Сѣсть бы... Нѣтъ, нельзя садиться... Надо спѣшить. Надо объявить всѣмъ, что мы женихъ и невѣста... Открой двери, Коля!

Ник. Коростомысловъ. Но...

Т. Хлудова. Слушай, что я говорю. Настежь двери. Еще всѣ гости въ сборѣ, — пусть услышатъ. Пусть услышатъ! Ты утѣшалъ меня, Коля, что никто въ городѣ не знаетъ о моемъ уходѣ отъ отца, но я чувствую, змѣей ползетъ по городу слухъ, что въ бѣгахъ я, какъ дрянная дѣвка. Такъ пусть слышатъ всѣ, что не въ бѣгахъ я, что у своего жениха въ домѣ скрывалась я отъ злыхъ людей...

Ник. Коростомысловъ. Таня, твой отецъ здѣсь...

Т. Хлудова. И отецъ пусть узнаетъ. Отецъ пусть первый узнаетъ. Пусть онъ узнаетъ, что не его я дочь, что не хочу я такого отца!.. Двери, двери открыть! (Сама отмахиваетъ растворчатую половину двери). Коля, давай мнѣ руку, — какъ это водится...

(Исчезаютъ въ залъ. Огромное возбужденіе въ залъ при появленіи молодой пары. — Нѣкоторое время комната пуста. Появляется нѣсколько человѣкъ гостей).

1-ый гость. Тутъ попрохладнѣй!..

2-ой гость. Припоминаю: комната была Марфы Тимофеевны. И лампадка красненькая съ золотомъ, — у насъ въ магазинѣ покупала сама незадолго до кончины...

Пожилая дама. Встала бы теперь покойница поглядѣла, что совершается.

1-ый гость. Да, дѣла...

3-ій гость. И все какъ-то вдругъ: и Степанъ Нифонтовичъ словно съ того свѣта явился, и сынокъ невѣсту-кралю подцѣпилъ!

4-ый гость. А Кузьма Нифонтовичъ опять свѣлъ со старцами и вино хлещетъ...

2-ой гость. Идетъ слухъ, что самому ему невѣста не противна была!

Старикъ. Грозой пахнетъ, господа, — попомните мое стариковское слово.

1-ый гость. Да, дѣла.

Молодая дама. Какъ Николай Степановичъ женится, тестюшка Хлудовъ къ дѣлу подойдетъ...

Пожилая дама. Старикъ ничего, благочестивый...

3-ій гость. Благочестивый, а деньгу любить...

1-ый гость. Поташать они съ разныхъ концовъ дѣло Кузьмы Нифонтовича. По-хозяйски — такъ жаль его: собиралъ, собиралъ, и вдругъ — на тебѣ! Налетѣли оттуда, отсюда, невѣдомо откуда...

2-ой гость. Говорятъ, у нихъ сегодня утромъ разговоръ былъ съ объявившимся братцемъ на счетъ дѣла... Братецъ тихій, тихій, а будто свою часть потребовалъ полностью. И будто не для себя, а на монастырь. Монастырь будетъ строить на Тихихъ горахъ. Будто и документы раздѣльные писали. Нотариусъ пріѣзжалъ на заводъ, — самъ видѣлъ своими глазами...

3-ій гость. Илларионъ въ плясъ пустился. Ахъ, ты, неугомонъ! Ахъ, ты, Божья душа!

Молодая дама. Да что они, странники э ты, которые со Степаномъ Нифонтовичемъ прибыли, монахи, что-ль?

Старикъ. Нѣтъ, пострига не принимали..., Просто въ послушаніи были.

(Въ залѣ горячая приговорка:

Ходи хата,

Ходи печь,

Хозяину

Негдѣ лечь!..).

1-ый гость. Ай, да и здорово! Пусти, не въ моготу, — пойду самъ!

2-ой гость. Ахъ, чтобъ тебѣ, на старости лѣтъ сманили на какую штуку человѣка!..

(Уходятъ всѣ. Плясъ. Музыка. — Изъ зала украдкой забѣгаетъ старый Акинфій. Онъ доволенъ и съ любовью озираетъ отпечатанную комнату, столь знакомую съ давнихъ лѣтъ. Уходитъ. — Входятъ: К. Коростомы-

словъ и Хлудовъ. К. Коростомысловъ, — замѣтно возбужденный, — тяжело опускается на стулъ).

К. Коростомысловъ. Ну, чего тебѣ надо?

Хлудовъ. Восемь часовъ вечера.

К. Коростомысловъ. Ну?

Хлудовъ. Срокъ. Сами сказали вчера: „завтра объ эту пору“. А разговоръ былъ въ шесть часовъ... Пожалуйста, кончимъ, и все... Я человѣкъ старый, бо-
лѣзненный, у меня сердце... А эти сутки я какъ на
огнѣ.

К. Коростомысловъ. Ты съ ума сошелъ, старикъ? Развѣ не видишь, не слышишь? Слушай, величаютъ молодыхъ!

Хлудовъ. Вздоръ это все, Кузьма Нифонтовичъ, вздоръ это... Вѣдь отецъ я? Свадьбу-то когда они назначаютъ? Завтра! А сегодня ночью я ее на передъ ихъ свадьбы тебѣ съ рукъ на руки сдамъ. Пока они того-сего, а вы — мужъ и жена.

К. Коростомысловъ. Нѣтъ, Григорій Федосѣвичъ, вашъ товарищъ намъ теперь не подходитъ. Предлагай другимъ... Мое теперь дѣло ясное, — оби-
женъ я... отвергнуть... Я, Кузьма Нифонтовъ Коросто-
мысловъ, отвергнуть... Кѣмъ? Гулящей дѣвкой, кото-
рая поздними вечерами къ господамъ студентамъ бѣ-
гаетъ!.. И для кого отвергнуть, для кого? Для замо-
рыша, въ очкахъ, но онъ человѣкъ... о!.. онъ силенъ
духомъ! Зачѣмъ я тебѣ говорю это? Развѣ ты пони-
маешь, гадина? Ты, пожалуй, вотъ только что пой-
мешь... Можетъ, въ головѣ у тебя есть такая мыс-
лишка, — здѣсь сорвалось урвать, урву тамъ, — вѣдь,
поди, про сегодняшній нашъ дѣлежъ съ братомъ всѣмъ
извѣстно... Такъ скажу тебѣ прямо, — не жди оттуда
на свою долю ни копѣйки! Братецъ любезный, ока-
зывается, еще на горѣ часть свою опредѣлилъ — на
монастырь. Всѣ, всѣ до копѣчки деньги свои вло-
жить въ монастырь, — клятвенное обѣщаніе далъ!

Слышишь? Что скрючился-то, какъ нечистый отъ ладана?..

Хлудовъ. Кузьма Нифонтовичъ, я уступлю.

К. Коростомысловъ. Чего?

Хлудовъ. Уступлю.

К. Коростомысловъ (съ усмѣшкой). Сколько уступишь-то?

Хлудовъ. Половину, ей Богу!

К. Коростомысловъ (смѣется). А хочешь четвертной?

Хлудовъ. Какъ-съ?

К. Коростомысловъ. Четвертной билетъ.. И то приведи и сдай съ рукъ на руки... Наличными заплачу...

Хлудовъ (какъ помѣшанный). Кузьма Нифонтовичъ... Кузьма Нифонтовичъ... Земля рушится, свѣта нѣтъ въ глазахъ... Съ давнихъ, съ давнихъ лѣтъ замышлялъ я одно великое дѣло... съ дочерью... съ Татьяной Григорьевной... Велъ тонко, рассчитывалъ, сколько думъ передумалъ! (Таинственно). Выкупъ за дочь хотѣлъ взять съ того, кто воспользуется ея красотой. Прямо говорю, — выкупъ!

К. Коростомысловъ. Любишь денежки?

Хлудовъ. Нѣтъ, Кузьма Нифонтовичъ, — пусть разразитъ меня громъ на этомъ мѣстѣ... И я монастырь хотѣлъ строить въ этихъ мѣстахъ... Монастырь, монастырь, — большой, пребольшой! Чтобъ въ немъ кельевъ было, какъ въ ульѣ ячеекъ, и въ каждой ячейкѣ монашенокъ, и каждый монашенокъ день и ночь, день и ночь псалтирь читалъ за рабу Божию, убиенную Надежду. И мѣстечко облюбовалъ давно, и хотѣлъ съ вами переговорить — купить мѣстечко въ вашемъ лѣсу.

К. Коростомысловъ. Какое мѣсто?

Хлудовъ. Тихія горы.

К. Коростомысловъ. Сегодня братъ Степанъ,

какъ былъ дѣловой разговоръ, взялъ это мѣсто подъ постройку монастыря...

Хлудовъ. Степанъ Нифонтовичъ?

К. Коростомысловъ. Степанъ Нифонтовичъ... Тоже, говоритъ, мѣсто подходящее. Спрашиваю: почему на мѣстѣ, гдѣ кровь человѣчья пролилась? „Гдѣ кровь, тамъ и благодать Божья — монастырекъ“, — отвѣчаетъ... „Гдѣ грѣхъ, тамъ и покаяніе...“ Какъ это по вашему, по благочестивому, — такъ или не такъ? Ну, я пойду...

(Уходятъ. Въ залѣ пьяное оживленіе, въ которомъ чувствуется уже усталость. Нестройные голоса тянутъ: въ одномъ мѣстѣ:

Чарочка моя,
Серебряная,
На золотъ
Поставленная...

Въ другомъ мѣстѣ:

Ѣду я черезъ рѣчку,
Вижу, стоитъ мостъ..
Кто бы намъ поднесъ,
Мы бы вы...ы...пили...

Въ комнату входятъ Степанъ Коростомысловъ и Т. Хлудова).

Ст. Коростомысловъ. Блѣдная ты, Танюша, — какъ бѣлъ воскъ. Приотдохни. Пускай братецъ и Николушка съ гостями займутся...

(Садятся).

Ст. Коростомысловъ. Слыхалъ, монастырка ты... Долго-ль въ монастырѣ была?

Т. Хлудова. Измалолѣтства, — вскорѣ какъ матушка моя скончалась, родитель написалъ моей теткѣ въ Сибирь, чтобъ взяла меня, потому одинъ онъ оставался и смотрѣть за мною некому было... Тетка взяла меня и была мнѣ, какъ мать родная. Она игуменьей была. Монастырекъ у ней маленькій, вродѣ скита. Лѣтомъ по рѣкѣ ѣздить, а какъ зима, — ни отъ насъ въ міръ, ни отъ міра къ намъ... Бѣло, батюшка Сте-

панъ Нифонтовичъ, — страсть какъ бѣло! И какъ мыслью по немощи, невзначай, согрѣшишь, — выйдешь на снѣжную бѣлизну и сразу почувствуешь, что согрѣшила. Никакъ нельзя было грѣшить при такой бѣлизнѣ, — видитъ Богъ! И такъ полюбился мнѣ монастырекъ и сестры, что никакъ не думала оттуда идти ни во вѣки вѣковъ. Такъ и порѣшила: какъ исполнится мнѣ двадцать одинъ годъ, приму постригъ. И имя ужъ мнѣ заготовили было на постригъ, — матушка Таисія придумала...

Ст. Коростомысловъ. Какое же имя?

Т. Хлудова. Надежды. Потому Надежды, что мать моя убиенная была Надежда и на имени томъ оказалась изволеніемъ Божиимъ кровь. И чтобъ смыть ее, надо было принять имя убиенной какой-нибудь дѣвицѣ непорочной и носить въ память убиенной...

Ст. Коростомысловъ. Любишь мать?

Т. Хлудова. Жалко. Какъ звѣря въ лѣсу зарѣзали. И одна она у меня была во всемъ свѣтѣ... Матушка Таисія строгая была... Матушка моя, кровная моя, на кого ты меня оставила, сиротинку горькую...

Ст. Коростомысловъ. Не плачь, Таня, — грѣхъ на Бога роптать... Съ моимъ Николушкой давно познакомилась?

Т. Хлудова. Какъ сюда пріѣхала... Были они у насъ съ дядюшкой, Кузьмой Нифонтовичемъ... Потомъ книги онъ мнѣ носилъ, по бульвару прогуливались...

Ст. Коростомысловъ. И полюбила?..

(Т. Хлудова молчитъ).

Ст. Коростомысловъ (ласково). Что молчишь?

Т. Хлудова (дрожа). Батюшка, Степанъ Нифонтовичъ, не гожусь я, должно быть, ни въ жены, ни въ любовницы. Монастырка я... И хожу сейчасъ здѣсь, какъ по проволоку, — страшно, вотъ упаду, а нельзя...

Ст. Коростомысловъ. Почему нельзя?

Т. Хлудова. Нельзя. Потому, хотъ монастырка

я, да, выходить, не совсѣмъ... (Смотрить на Ст. Коростомыслова). Грѣшница я. Страшная, страшная грѣшница!..

Ст. Коростомысловъ (въ тревогѣ). Таня, не любишь ты Николая!.. Таня, молю тебя,—пока не поздно, откажись... откажись... Бѣда будетъ, если не откажешься. Не какъ отецъ его говорю, а какъ старый человѣкъ, который въ жизни выпилъ до дна сосудъ горя. Любя тебя, говорю, — не порти жизнь себѣ и ему! Что хорошаго будетъ, — ну выйдешь, не любя... а потомъ... потомъ полюбишь кого-нибудь... не его, а другого... Ну, онъ узнаетъ... Страшно сказать, страшно сказать, что будетъ... Матушка твоя, убиенная, можетъ, также выходила... за нелюбимаго... Любила одного, а сила была у другого... Потомъ, какъ вышла... сердце не стерпѣло, — видаться стала съ тѣмъ, съ настоящимъ...

Т. Хлудова. Откуда вы знаете?

Ст. Коростомысловъ. Старый я человѣкъ, Таня... У мамы твоей двѣ дочки должны быть, одна постарше — ты, а другая при тѣлѣ нашлась, разрѣшилась покойница преждевременно отъ бремени... и та... вторая дочка... скоро умерла... Я не видѣлъ, а тогда одинъ человѣкъ мнѣ сказалъ, который первый и нашелъ твою мать зарѣзанную при дорогѣ... нашъ лѣсной управляющій... дѣдъ Лѣсовикъ...

Т. Хлудова. Отецъ никогда не говорилъ мнѣ про сестру... Значитъ, та сестра была дочь не отца?

Ст. Коростомысловъ. Не его... Таня, пожалѣй хотя себя! Неужели материнскую исторію повторить хочешь?

Т. Хлудова. Да. Пусть будетъ, что будетъ!.. (Входитъ Ник. Коростомысловъ). Коля, милый, голубы! Радость, радость-то какая! Гости еще не расходятся? Я хочу плясать. Съ тобою хочу плясать... Не умѣешь?

Развѣ плясать надо умѣть?.. Ну, не сутулься, очки до-
лой, руки, руки вотъ такъ — въ бѣки!.. Э-эхъ!..

Скрываются въ залѣ. Въ глубокой задумчивости Ст.
Коростомысловъ слѣдитъ за ними глазами и напра-
вляется въ залѣ.

Какъ отгоняемый страшнымъ духомъ, К. Коросто-
мысловъ убѣгаетъ изъ зала въ комнату — отъ вида мо-
лодой пляшущей четы. Федоръ приноситъ телеграмму).

Федоръ. Изъ конторы телеграмма.

К. Коростомысловъ (распечатываетъ телеграмму).
Лѣсовикъ гдѣ?

Федоръ. Разнедужился. Лежитъ во флигелѣ
Николая Степановича. Одна половина тѣла, лѣвая, —
какъ деревянная!

К. Коростомысловъ. Параличъ?

Федоръ. Должно быть, онъ... Доктора бы къ
нему, Кузьма Нифонтовичъ!

К. Коростомысловъ. Позови. Санитарный
докторъ въ залѣ... Я самъ къ Лѣсовику надойду послѣ...
Онъ въ памяти?

Федоръ. Въ памяти.

К. Коростомысловъ. Скажи ему, что заказъ
на лѣсъ принять... Вотъ отвѣтная телеграмма изъ-за
границы. Покажи ему...

(Федоръ уходитъ. Входитъ Илларионъ).

Илларионъ. Что скрылся, свѣтъ Кузьма Ни-
фонтовичъ?

К. Коростомысловъ. Обидѣли меня, братъ
Илларионъ!

Илларионъ. Кто?

К. Коростомысловъ. Люди.

Илларионъ. Наплюй... Иль раздави оскорби-
телей!

К. Коростомысловъ. Ты изъ камскихъ?

Илларионъ. Изъ камскихъ.

К. Коростомысловъ. Роду-племени неизвѣст-

наго? Образъ у тебя самый разбойничій, — извини..
Какъ попалъ на Аeonъ?

Илларіонъ. Тоже обидѣли... Не стерпѣла душа...
Ну, потомъ скрылся съ товарищемъ... который все мол-
читъ... А молчитъ онъ не по зароку, а потому, что его
хорошіе люди примѣтили, — языкъ подрѣзали!..

К. Коростомысловъ. Душа горитъ, братъ
Илларіонъ.

Илларіонъ. Зальемъ сейчасъ, Кузьма Нифон-
товичъ... Дѣло знакомое.

(Уходитъ. К. Коростомысловъ достаетъ ножъ, за-
хваченный гдѣ-то, и, видимо, любитъ имъ. Незамѣтно во-
шедшая Т. Хлудова видитъ ножъ въ его рукахъ. Нѣмая
сцена. Возвращается Илларіонъ съ нѣсколькими бутыл-
ками вина. Т. Хлудова быстро скрывается).

Илларіонъ. Народъ начинаетъ расходиться. И
пора,—первые кочета кричатъ. Кое-кто изъ гостей из-
немогъ и тутъ же расположился. Кузьма Нифонтовичъ,
пожаръ душевный хорошо залить изъ этого утешитель-
наго источника... Есть малиновая... черносмородиновая...
березовыя почки...

К. Коростомысловъ. Не то... Крови хочу,
братъ Илларіонъ! Понялъ?

Илларіонъ (ставитъ рюмку на столъ обратно). Это бы-
ваетъ... Отгоняй молитвой... Тянетъ?

К. Коростомысловъ. Тянетъ.

Илларіонъ. Отгоняй молитвой... Отгоняй мо-
литвой... (Креститъ его и творитъ заклѣтья).

(Входитъ Ник. Коростомысловъ).

Ник. Коростомысловъ (замѣтно навеселѣ). Дядя!

К. Коростомысловъ (вздвигнувъ). Ты, племян-
никъ?

Ник. Коростомысловъ. Дядя, вѣрьте мнѣ...
Я къ вамъ съ искреннимъ чувствомъ... Дядя, я васъ,
собственно говоря, искренно уважаю... Вы — Петръ Ве-
ликій въ исторіи нашего рода... А мы... мы до-петров-

«ская Русь. Вы вотъ запечатали этотъ домъ, — тутъ слишкомъ много прежняго, стараго, — а отецъ распечаталъ и жить здѣсь хочетъ... И я перешелъ сюда изъ своего флигеля... Мой покойчикъ рядомъ, гдѣ у бабушки моленная помѣщалась... (Илларионъ уходитъ). И книги сюда перетасилъ, что на чердакъ нашелъ..

К. Коростомысловъ. Неужели всѣ перенесъ?

Ник. Коростомысловъ. Всѣ здѣсь, въ покойчикъ...

К. Коростомысловъ. Любопытная книга эта... „рабовъ Божіихъ Луки, Тихона, Досиѣея...“

Ник. Коростомысловъ. Библія.

К. Коростомысловъ. Да, она... Это мѣсто о крови — помнишь: „и сдѣлалъ Господь Каину знаменіе, чтобы никто, встрѣтившись съ нимъ, не убилъ его...“ Поди, вѣрно сказано?

Ник. Коростомысловъ. Вѣрно... Опять сомнѣваетесь, дядя?

К. Коростомысловъ. Не то, чтобъ сомнѣваюсь... Неясно мнѣ. Любопытно еще разъ взглянуть бы, какъ тамъ сказано...

Ник. Коростомысловъ. Я принесу...

К. Коростомысловъ. Принеси... Или погоди... Лучше тамъ, въ покойчикъ... посмотримъ... Здѣсь народъ...

Ник. Коростомысловъ. Что-жъ, посмотримъ тамъ...

(Уходятъ въ покойчикъ. Почти тотчасъ вбѣгаетъ Т. Хлудова. Она какъ будто хочетъ войти въ затворившуюся дверь покойчика. Но сзади ее окликаетъ отецъ).

Хлудовъ. Я тебя давно искалъ... чтобъ наединѣ... Это что же такое будетъ? Что же такое будетъ? — спрашиваю тебя.

(Т. Хлудова молчитъ).

Хлудовъ. Отца, отца волю переступить захотѣла? Такъ вотъ тебѣ... сейчасъ... вотъ выйди въ залъ

и объяви: „отказываюсь отъ жениха... не будетъ свадьбы... Такъ это вышло... затменіе... Извиняюсь, молъ, предъ честнымъ народомъ“. (Подталкиваетъ ее). Ну, иди же, иди, доченька. Таня, иди! Ну, чего же ты смотришь на меня, глупенькая? Аль соскучилась, давно отца не видѣла?.. Ночевала-то гдѣ?

Т. Хлудова. Смотрю я на отца, который дочь свою, родную дочь свою, продалъ!

Хлудовъ (упавшимъ голосомъ). Ты откуда знаешь?

Т. Хлудова. Прочь. Я тебѣ не дочь!..

Хлудовъ (въ бѣшенствѣ). Ты повремени... Ты сейчасъ сказала такое слово... Такъ вотъ же тебѣ въ отвѣтъ. Дерзость ты мнѣ хотѣла сказать, анъ правду сказала... Не отецъ я тебѣ на самомъ дѣлѣ. Была у меня родная, кровная дочь, да померла... А ты не моя дочь, а отъ любовника жены моей убіенной. Отца-то своего ты еще поищи, — неизвѣстенъ онъ!..

(Изъ зала подбѣгаютъ гости. Возбужденіе. Въ это время изъ покойчика незамѣтно выходитъ К. Коростомысловъ и скрывается).

Хлудовъ. Эй, всѣ слушайте, православные люди, — вотъ эта самая... дѣвка безпутная... не моя дочь, а женинаго безвѣстнаго любовника... Свидѣтельствую предъ всѣмъ честнымъ собраніемъ!..

Ст. Коростомысловъ. Какъ вы сказали?

Хлудовъ. Степанъ Нифонтовичъ, вотъ эта дѣвка, вашего сына невѣста, не моя дочь, а отъ женинаго любовника. При покойницѣ, около самага трупа, нашли ее, — въ самый смертный часъ обродилась покойница...

(Сильное движеніе въ толпѣ. Въ это мгновеніе на порогѣ своего покойчика показывается блѣдный трепещущій Ник. Коростомысловъ. Кровь заливаетъ его шею и грудь. Онъ хочетъ что-то сказать, но безсильно валится на полъ и изъ рукъ его выпадаетъ ножъ. Смятеніе. — Оттертая хлынувшимъ народомъ отъ того мѣста, гдѣ упалъ Ник. Коростомысловъ, Т. Хлудова видитъ на полу, неда-

леко, упавшій ножъ. Видимо, дѣлаетъ чрезвычайное усиліе, чтобъ выйти изъ своего состоянія, близкаго къ столбняку, поднимаетъ и прячетъ ножъ).

Г о л о с а:

— Зарѣзали!

— Разбой!

— Караулъ! Въ набатъ ударить! Разбойники!

— О, Господи Іисусе!

— За полиціей послать!

— Разступись, народъ, — воздуха надо больше раненому...

— Губами хлопаешь, какъ рыба на пескѣ. Воздухъ ловить!

(Слышно, какъ смятеніе передается въ залъ, потомъ за стѣны дома, — на дворѣ шумъ, говоръ, свистъ, и часто, часто торопливой, испуганной, неразбирающейся рукою бьютъ на ближайшей церкви въ набатъ).

— Гдѣ самый душегубъ?

— Можетъ, здѣсь же гдѣ-нибудь спрятался...

— Убить душегуба. На сосну его!

— Въ Каму лучше — головою внизъ!...

— Санитарный докторъ тутъ оказался, — слава Богу!

— И слѣдователь здѣсь же, — только что соби-
рался уходить...

— Отецъ-то... отецъ!.. Жалко на отца глядѣть.

(Входитъ исправникъ съ околоточнымъ и городовымъ).

Городовой. Прошу очистить, господа. Добровольно прошу очистить...

(Мало-по-малу комната освобождается отъ народа. Городовой закрываетъ дверь въ залъ).

Исправникъ (околоточному). Еще надо полиціи, — народъ возбужденъ!

Околоточный (козыряетъ). Послано за подмо-
гой... Помилуйте, такое событіе! Не только городъ, —

вся Кама, вся Волга всколыхнется, — происшествіе въ домѣ Коростомысловыхъ!...

Исправникъ. Не мѣшало бы предпринять нѣкоторыя спеціальныя мѣры... Мы здѣсь можемъ мѣшать. (Взглядъ на покойчикъ, гдѣ лежитъ раненый). Пойдемте въ дворъ...

(Уходятъ).

Городовой (пріоткрывъ дверь). Не давите на дверь, господа. Добровольно прошу...

Голосъ изъ зала. Ну, какъ?

Городовой. Ничего неизвѣстно, господа. (Захлопываетъ дверь).

(Изъ покойчика выходятъ: слѣдователь и докторъ).

Докторъ. Пульсъ слабый... Но раненый долженъ придти въ себя, — есть примѣты.

(Слѣдователь плотно прикрываетъ дверь въ покойчикъ. Закуриваетъ).

Докторъ. Эта поразительная деталь: распростертая на полу старинная Библія, раскрытая какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ описывается убійство Каиново, гдѣ запретъ пролитія крови... Какъ разъ на этомъ листѣ отпечатокъ двухъ кровавыхъ пальцевъ преступника!.. (Уходитъ снова въ покойчикъ).

(Городовой передаетъ слѣдователю портфель съ бумагами).

Слѣдователь. Насчетъ понятыхъ какъ?

Городовой. Сдѣлано распоряженіе давно. Скоро должны быть...

(Входитъ агентъ полиціи).

Агентъ. По порученію г. исправника обслѣдовалъ дворъ...

Слѣдователь. И что же?

Агентъ. Въ эту часть заводскаго двора, ближе къ конторѣ, народъ не пускаютъ, — полиція устроила цѣпь. Все темно и благополучно. Въ конторѣ двери заперты, окна тоже. Свѣтлѣетъ маленькій огонекъ

сквозь ставню въ той части конторы, гдѣ живутъ самъ г. Коростомысловъ...

Слѣдователь. Все?

Агентъ. Все... (Уходитъ).

(Изъ покойчика выходитъ докторъ, замѣтно взволнованный. Дверь въ покойчикъ остается полураскрытой).

Слѣдователь. Какъ?

Докторъ. Въ томъ же положеніи. (Тихо:) Сейчасъ тамъ, въ той комнатѣ, произошло событіе... очень, очень загадочное... Мы Библию эту оставили въ томъ же положеніи, какъ нашли, — на полу...

Слѣдователь. Да, да, конечно. До прихода понятыхъ...

Докторъ. И вотъ, когда я тамъ былъ, входитъ этотъ старикъ Федоръ, слуга Кузьмы Нифонтовича, и по лицу его видно, что онъ зачѣмъ то пришелъ. Слѣжу. Онъ покрутился туда-сюда, чтобъ замести слѣды цѣли своего прихода, и какъ будто невзначай на ту Библию большой платокъ обронилъ. Слѣжу. Взглянулъ онъ на Татьяну Григорьевну, которая около кровати больного сидитъ, потомъ на меня, а я какъ разъ около окна поодадь стоялъ, — тутъ у меня на окнѣ огонекъ и я термометръ смотрѣлъ на свѣтъ... Увидѣлъ онъ, что на него какъ будто никто не смотритъ, и книгу ту изъ-подъ платка вытащилъ и медленно-медленно унесъ, прикрывъ фалдой сюртука... Я хотѣлъ было остановить его, но вдругъ у меня мелькнула мысль... понимаете?.. Не удерживать его!.. Преступникъ, можетъ быть, намѣчается, но онъ еще не созрѣлъ для допроса... онъ только созрѣваетъ.

(Изъ покойчика показывается Т. Хлудова).

Т. Хлудова. Это невѣрно... совсѣмъ невѣрно, что вы думаете! Я знаю... вы сейчасъ подозреваете въ этомъ дѣлѣ... одного человѣка... Вы его не называли по имени, но я знаю... Я слышала... Я подслушивала...

Докторъ. Татьяна Григорьевна, ничего не пойму, что вы говорите... Вы переутомились, переволновались...

Слѣдователь (вдругъ). Позвольте, Иванъ Петровичъ... Да, Татьяна Григорьевна, мы подозрѣваемъ... мы подозрѣваемъ, что преступленіе совершилъ Кузьма Нифонтовичъ Коростомысловъ...

Т. Хлудова. Это неправда.

Слѣдователь. Почему неправда?

Т. Хлудова. Потому что сдѣлала это я.

(Пауза).

Докторъ. Вздоръ!

Слѣдователь. Какъ же это вышло?.. Гдѣ доказательство?

Т. Хлудова. Вотъ. (Передаетъ ножъ).

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Конецъ той же ночи. Порывы вѣтра.

Комната въ конторѣ, одна изъ двухъ, занимаемыхъ К. Коростомысловымъ. Простая обстановка изъ дерева, самодѣльной работы... На столѣ горитъ свѣча, уже значительно оплывшая. Черныя уродливыя тѣни колеблются на потолкѣ и стѣнахъ. Слабо потрескиваютъ дрова въ печкѣ.

К. Коростомысловъ — ближе къ двери — замеръ въ напряженно прислушивающемся ожиданіи, словно сейчасъ тамъ, у входныхъ дверей, должны раздаться какіе-то шаги. И, дѣйствительно, слышатся шаги — гдѣ-то внизу, потомъ совсѣмъ около.

К. Коростомысловъ (тихо, черезъ ставню). Федоръ, ты?

(За ставней голосъ Федора. К. Коростомысловъ отпираетъ дверь).

К. Коростомысловъ. Принесъ?

Федоръ. Принесъ, Кузьма Нифонтовичъ. (Передастъ Библию). Очень трудно было, — около то докторъ, то Татьяна Григорьевна. Ужъ я на хитрость пустился; сначала обронилъ на нее платокъ, а потомъ и ее изъ подъ платка вытащилъ...

К. Коростомысловъ. Хитрый ты, Федя, человекъ... Платокъ сначала обронилъ... Это ловко! И никто ничего не замѣтилъ?... Они, Федя, ничего не понимаютъ... Книга-то эта... замѣчательнѣйшая! 13-го вѣка!.. И пергаментъ... (Перелистываетъ страницы).

Федоръ. Кровь!

К. Коростомысловъ. Какъ ты сказалъ?

Федоръ. Кровь на листѣ.

К. Коростомысловъ. Это... кровь?

Федоръ. Кузьма Нифонтовичъ, пообѣщайте: озолочу тебя, Федоръ, сходи еще разъ за этой книгой, не пойду.

К. Коростомысловъ. Отчего же?

Федоръ. Страшно.

К. Коростомысловъ. Федя... ну... какъ тамъ?

Федоръ. Въ домѣ?

К. Коростомысловъ. Въ домѣ, въ домѣ!...

Федоръ. Поджидаютъ, что Николай Степановичъ очнется...

К. Коростомысловъ. Поджидаютъ? Ты видѣлъ его?

Федоръ. Видѣлъ. Какъ тѣсто, бѣлый... И губа вотъ тутъ въ уголкѣ вздрагиваетъ, — будто онъ всхлипываетъ...

(Пауза).

Федоръ. Кузьма Нифонтовичъ... Тамъ... на дворѣ... въ народѣ... разное сейчасъ болтаютъ... Вы бы эту книжку куда-нибудь спрятали... а то неровень часъ — полиція сюда нагрянетъ... начнутъ допрашивать — откуда книга. Я человѣкъ старый и слуга вамъ приверженный, а только вашей милости будетъ непріятно... Спрятали бы книгу подальше.

К. Коростомысловъ. Что же они болтаютъ?

Федоръ. Народъ, — сами знаете... Хорошо, если Николай Степановичъ очнется и дастъ показаніе, — тогда правда откроется... А если не очнется? И будутъ кивать на безвиннаго человѣка, какъ послѣ убіенія Хлудовской барыни кивали на Степана Нифонтовича: „онъ сдѣлалъ, потому и убѣжалъ!“... Народъ, ничего не подѣлаешь!.. И сейчасъ стоитъ его во дворѣ и особенно за дворомъ видимо, невидимо, и требуетъ: давай намъ убійцу, мы съ нимъ сами расправимся!

К. Коростомысловъ. И имя называютъ?
Федоръ. Имени не называютъ, а ясно, о комъ
рѣчь... Злобствуютъ!..

К. Коростомысловъ. Ну, иди, Федоръ!

(Федоръ уходитъ. Пауза. К. Коростомысловъ
жадко приникъ при свѣтѣ огарка къ залитымъ кровью свя-
тымъ листамъ).

К. Коростомысловъ (читаетъ). Кровь брата
твоего вопіетъ ко Мнѣ отъ земли. И нынѣ про-
клятъ ты отъ земли, которая отверзла уста свои при-
нять кровь брата твоего отъ руки твоей... За то вся-
кому, кто убьетъ Каина, отмстится всемеро... И сдѣ-
лалъ Господь Каину знаменіе, чтобы никто, встрѣтив-
шись съ нимъ, не убилъ его..."

(Стукнула дверь. Входитъ Хлудовъ).

Хлудовъ. Это я... Хлудовъ, Григорій Федосѣ-
вичъ...

К. Коростомысловъ. Зачѣмъ ты?

Хлудовъ. Я встрѣтился сейчасъ съ Федоромъ.
Спрашиваю, гдѣ Кузьма Нифонтовичъ? Говоритъ, у
себя. — Что дѣлаетъ? — Ничего, сидитъ у свѣчки... Те,
те, думаю, это не такъ. Надо зайти, взглянуть. Я вѣдь
не помѣшаю? Правда, вѣдь не помѣшаю? Можетъ,
даже наоборотъ, — разсѣю... Заперся человѣкъ одинъ и
Богъ знаетъ, какія мысли ходятъ у него въ головѣ...

К. Коростомысловъ. Ты почему знаешь на
счетъ мыслей?

Хлудовъ. Эвона! Вѣкъ прожилъ, кое-что ви-
дѣлъ. (Показываетъ на Библію). Вонъ до какого предѣла до-
шелъ! А нѣтъ еще... (смотритъ въ уголъ) бываетъ такъ...
крючочекъ... и на крючочкѣ веревочка... и маят-
ничекъ...

К. Коростомысловъ. Откуда знаешь, старикъ?

Хлудовъ. Знаю... Размахъ у тебя былъ широ-
кій, видѣлъ — отъ одного края до другого, — да духъ
не вынесъ. Ты не пугайся. Я губы на замочекъ...

К. Коростомысловъ. Бѣсъ ты старикъ, и чувствую, издѣваешься надо мною... Кто тебѣ право далъ? Самъ посмѣлъ ли бы до конца? Думаю: нѣтъ ни одного на свѣтѣ человѣка, который бы посмѣлъ до конца!

Хлудовъ. Бываетъ...

К. Коростомысловъ. Не вѣрю. Докажи... покажи такого... лицомъ къ лицу. Тогда повѣрю!

Хлудовъ. Сдрефилъ ты, Кузьма Нифонтовичъ, и все... Хвалился—я да я, а на дѣлѣ оказался съ гнильцой. И Таня учуяла это, что ты не такой, какъ краснобайствовалъ-то... Бабы далеко это чуютъ, — повѣрь мнѣ. Бабы любятъ деревцо безъ гнильца...

К. Коростомысловъ. Не насмѣхайся, старикъ. Ты—дьяволъ... Нельзя это сдѣлать. Я тоже думалъ, что можно... А когда... и... и... (Глокаетъ воздухъ)

Хлудовъ. Цыпленокъ!

К. Коростомысловъ. Зашаталось все вокругъ меня, словно самую основу земли тронулъ я... (Точно очнулся. Горячо). Старикъ, презираю я себя, ненавижу... И правъ ты, — такого Таня не полюбитъ во вѣки вѣковъ... Истуканъ на глиняныхъ ногахъ, про какого мнѣ въ дѣтствѣ мать читала, — вотъ это я. Цыплячья душа, — вѣрно. Но, Григорій Федосѣевичъ, ты — умнѣйшій... дай мнѣ точку опоры, подкрѣпи меня! Изнемогаю я, презрѣнъ отъ самого себя... Не вѣрю, что это можетъ быть... Я видѣлъ давно, когда жену твою зарѣзали, — видѣлъ, какъ лежала она, и вотъ тутъ полоска около шеи... Я видѣлъ, какъ кто-то сдѣлалъ, но его не видѣлъ и какъ будто не вѣрю въ него... А ты какъ будто вѣришь... По глазамъ твоимъ вижу, какъ будто вѣришь...

Хлудовъ (усмѣхаясь). Чего-жъ ты отъ меня хочешь?

К. Коростомысловъ. Покажи мнѣ человѣка, который убилъ человѣка!

Хлудовъ (послѣ паузы). Онъ разговариваетъ съ тобою.

К. Коростомысловъ. Ты?

Хлудовъ. Я. Чего-жъ ты испугался?

К. Коростомысловъ. Такъ это ты... въ лѣсу?...

Хлудовъ. Я... И ничего, какъ видишь... На первыхъ порахъ трудно было, правда... Все меня тянуло къ народу рассказать обо всемъ... какъ будто канатомъ такъ и пригибало, такъ и пригибало къ народу, къ народу... И молился я, и зарокъ давалъ, и милостыню подавалъ, — ничто не помогаетъ: тянетъ и тянетъ... Да одно средствице помогло...

К. Коростомысловъ. Какое?

Хлудовъ. Чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись. Злоба во мнѣ моя не изсякала, ею и спасался. Двѣ злобы было... На женинаго полюбовника — первая злоба. Выслѣдилъ я жену до точки все, все, а онъ, полюбовникъ, все ускользалъ. И вотъ въ послѣднюю ночь, какъ я накрылъ ихъ, въ лѣсу, около лѣсниковой хаты, она, покойница, въ меня вцѣпилась, а ему, невидимому во тьмѣ, кричитъ: „бѣги, бѣги!“ Я ее тутъ и полоснулъ. Ножъ-то для него приготовленъ былъ, а оказалось — на нее пошелъ! Вотъ бы его, соблазнителя, я увидѣть хотѣлъ, — потому жену свою покойницу я не только любилъ, а какъ бы въ ней былъ, такъ что меня даже словно не существовало отдѣльно... Вотъ двадцать лѣтъ тому, а думаю, коли бы увидѣть его, не сдобровать ему въ ту же минуту. И вздохнуть передъ смертью не далъ бы... А вторая у меня злоба была на приплодъ отъ ихъ встрѣчъ...

К. Коростомысловъ. Былъ ребенокъ?

Хлудовъ. Былъ... И скажу тебѣ по совѣсти: злоба къ нему, къ ребенку-то, была у меня еще больше, чѣмъ къ нему, къ полюбовнику... Обродилась она тутъ же, съ перепугу. И вотъ слышу я: она дышала, и

вдругъ стало тихо, — жутко мнѣ даже сдѣлалось, что стало тихо. И вдругъ пискъ, какъ котенокъ. Вѣришь ли, какъ будто въ безпамятствѣ я былъ, а тутъ, какъ услышалъ тотъ пискъ, сразу отошелъ, и страшная злоба объяла меня, и ногу я поднялъ, чтобъ его, пищащаго, какъ гада, раздавить... да изъ лѣсниковой хаты кто-то въ это время выбѣжалъ и ко мнѣ направлялся... Я и скрылся.

К. Коростомысловъ. Куда дѣвалъ ребенка? Можетъ, на самомъ дѣлѣ... потомъ...

Хлудовъ. Живъ ребеночекъ, Кузьма Нифонтовичъ.

К. Коростомысловъ. Татьяна Григорьевна?

Хлудовъ. Она...

К. Коростомысловъ. Гадина ты!..

Хлудовъ. Не кричи, услышатъ и можетъ вытти разговоръ по этому случаю... Слушай, пока не поздно, пока не вкусилъ до одуренія мутной воды изъ источника соблазновъ... (показываетъ на Библию). Имѣй въ виду, что будетъ Николай Степановичъ скоро на столѣ лежать. Глазъ у меня на это наметанный... Такъ ты не выходи туда, пока что, а то ликъ у тебя тусклый, съ печатью, а въ народѣ, поди, всякіе слушки пошли. Воззлбься и закрѣпни, — масла на сердце не пускай. Дѣломъ займись и отойдешь... Воззлбься!.. А ежели что, — не пугайся... всякія представленія въ жизни бываютъ. И въ Сибири люди живутъ!

К. Коростомысловъ. Ты сказалъ, — не выходи, а то ликъ у тебя тусклый, съ печатью...

Хлудовъ. Ну да, съ печатью. Который чистый человекъ, печать видитъ на лицѣ. Какъ отворяетъ кто кровь брату своему, на томъ ставится печать черная — по древнему завѣту... Читалъ? (Показываетъ на Библию).

К. Коростомысловъ (послѣ паузы). И ты, значить, съ печатью?

Хлудовъ. А ты какъ думалъ?

К. Коростомысловъ. Отчего же другіе не видятъ?

Хлудовъ. Не видятъ? Ты думаешь, не видятъ? Видятъ! Да писано въ древнемъ завѣтѣ: „не прикоснется къ тебѣ рука человѣческая“... Видятъ, но не трогаютъ. И ходишь ты среди людей, но безъ людей, одинъ, потому какъ только возсталъ ты и пролилъ кровь, замкнулся предъ тобою кругъ человѣческій на вѣки вѣковъ... Ты думаешь: я — Григорій Хлудовъ, въ этомъ городѣ живу, съ тобою и другими знакомствую, жену и дочь имѣю? Одинъ я, и никого вокругъ меня нѣтъ, выгнанъ я въ пустыню, какъ древній Каинъ... съ печатью черною... Изголодался я по образу человѣческому въ своей пустынѣ, ибо я былъ одинъ... Ты думаешь, я не видѣлъ, куда эта вся твоя махинація съ племянникомъ на счетъ Тани клонилась? Видѣлъ заблаговременно и ... ждалъ исполненія времени, чтобы встрѣтить и облобызать брата своего... И ночью, на пиршествѣ въ честь брата твоего, слѣдилъ я зорко и видѣлъ тѣнь нѣкоторую значительную на лицѣ твоёмъ, и этого пьянаго старца Илларіона, тѣнь ту заклятьями отгоняющаго. И какъ услышалъ я, что все ожидаемое исполнилось, даже присѣлъ я отъ слабости тѣла, ибо обуяла меня чрезвычайная радость. Брата своего въ своей пустыни зачуялъ я!...

К. Коростомысловъ. Уйди, нечистая сила. Сгинь!

Хлудовъ. Не кричи и не дерзи. Я еще вотъ зачѣмъ пришелъ къ тебѣ, — что ты думаешь дѣлать съ своими богатствами?...

К. Коростомысловъ. Ага, гадина, — твой, твой любимый пунктъ! (Пауза). Изволь, скажу тебѣ по совѣсти, что надумалъ я. Слушай, гадина!

Хлудовъ. Зачѣмъ ты ругаешься? Развѣ я ругаюсь?

К. Коростомысловъ (медленно). Какъ думалъ я раньше, что деньги все, что за деньги можно купить, что хочешь, а вышло наоборотъ, то спрашиваю тебя, старикъ: какая цѣна деньгамъ? Татьяна Григорьевна оказалась непродажною потому, что нѣтъ такихъ самыхъ большихъ денегъ на свѣтѣ, за которыя бы можно было купить ее. И если у кого была такая мечта — купить ее за деньги, то деньги тѣ сгорѣли въ тотъ же часъ, какъ простая бумага. Выше всякихъ нашихъ денегъ она — Татьяна Григорьевна! Думали мы, что капиталисты!... Да что деньги, старикъ? Жизнь другого, жизнь свою готовъ былъ не пощадить, чтобъ сказать ей — „будь моею“! Но мало этого, выходитъ. Какой цѣной можно купить любовь ея, я не знаю и не узнаю, потому что я конченный человѣкъ. Вотъ тотъ, который лежитъ тамъ, онъ узналъ и силу возымѣлъ надъ нею. Онъ — человѣкъ, онъ — потомокъ великановъ, и думалъ я раньше, что эти слова его вздоръ, пустое, а теперь вижу, что — правда, правда, старикъ! Вотъ онъ лежитъ тамъ, поверженный, но онъ сила, и я здѣсь передъ его силою все это время волчкомъ бѣгаю и мѣста себѣ не нахожу. И ты бѣгаешь отъ духа устъ его, и трепещешь, и жертвы умиловительныя приносишь... Они — великаны, а мы — ничтожества. И какъ подобаетъ ничтожеству, хочется смириться и ручку попросить у могучаго, на котораго дерзновенно возсталъ. Ибо кровь его — не кровь звѣриная, а особая, благородная, человѣчья кровь, и горетому рабу нерадивому, который расплещетъ изъ сосуда драгоцѣннаго хотя каплю этой крови. Я читалъ вотъ здѣсь, въ этой книгѣ: капля эта не проходитъ въ землю, какъ вода, — она возвращается на небо... (Въ ужасѣ): Вся земля въ заговорѣ съ нимъ, съ человѣкомъ! Вотъ я знаю... тамъ, во всѣхъ углахъ, идетъ шопотъ: его ранилъ родной дядя! И сдѣлалъ онъ это въ своемъ домѣ, хитростью, завлекши въ западню.

Подло сдѣлалъ! Дядя — убійца, дядя — подлецъ! Онъ сейчасъ заперся въ своемъ жильѣ, какъ дикій звѣрь загнанный, а ужъ тамъ... тамъ готовятъ цѣпи, каторгу, кнутъ ему... Еще онъ въ силѣ, еще не дерзаетъ никто прямо войти къ нему, а лишь шепчутся за углами и въ окна, можетъ быть, подглядываютъ, а завтра... а сегодня, можетъ, вечеромъ что станетъ съ нимъ? (Дрожитъ). О чемъ я, старикъ, говорилъ? Да, да, — помню... Деньги... Деньги... Слушай, старикъ. Разъ деньги оказались безсильны передъ ними... передъ великанами... и цѣну свою утратили...

Хлудовъ (въ страхѣ). Что ты надумалъ, безумецъ?

К. Коростомысловъ. Сжечь ихъ! (Бросаетъ бумажку въ печь). Вотъ, какъ сжегъ сейчасъ эту бумажку! Задатокъ!

Хлудовъ. Безумецъ, безумецъ!

К. Коростомысловъ. Прочь! Не подходи!.. Пусть все горитъ! Все сожгу!..

Хлудовъ (какъ въ бреду). Горятъ огромные города... Горитъ зеленая веселая земля!..

К. Коростомысловъ. Теперь уходи, старикъ. Надо спѣшить... Видишь, свѣтаетъ. Я раньше гадалъ, — когда буду умирать, какое человѣческое лицо буду видѣть въ послѣдній разъ? И мнѣ хотѣлось, чтобъ оно было такое свѣтлое, какъ лицо Татьяны Григорьевны...

(Вбѣгаетъ Федоръ).

Федоръ. Кузьма Нифонтовичъ!..

К. Коростомысловъ (спокойно). Онъ пришелъ въ себя?

Федоръ. Не могу знать... Меня не пускаютъ въ домъ... Только такое обстоятельство обнаружилось, — и не знаю, какъ сказать... Говорятъ, будто Николая Степановича зарѣзала невеста его... Татьяна

Григорьевна... Будто сама покаялась въ этомъ господину слѣдователю и отъ слѣдователя заарестована...

К. Коростомысловъ. Кто, кто тебѣ говорилъ это?

Хлудовъ. Начинается человѣческая комедія!..

Федоръ. Агентъ тайный... Онъ моей покойницѣ, Дарьѣ Сидоровнѣ, сынъ воспріемный... Сообщилъ по секретности... Кузьма Нифонтовичъ, надо бы вамъ туда пойти — въ старый домъ. Такое несчастное положеніе, а въ домѣ никого изъ хозяевъ нѣту... Вы здѣсь, Степанъ Нифонтовичъ ушли къ Лѣсовику и заперлись съ нимъ... Что-то у него выпрашиваютъ... И какъ будто стали не въ себѣ они...

(Входитъ Т. Хлудова. Долгое безмолвіе).

Т. Хлудова (понявъ). Вы все уже знаете... Меня освободили... Я спросила, почему освободили? Городовой сказалъ, что... раненый... очнулся... и далъ показаніе...

Федоръ. Николай Степановичъ очнулись?

Т. Хлудова. Да, дѣдушка.

Федоръ. Господи! Варвара Великомученица!

(Уходитъ).

Т. Хлудова. Кузьма Нифонтовичъ, не смотрите на меня такъ... не гоните меня... Я знаю, знаю, кто вы... я знала это давно... съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала сюда... Вы святой! Я сонъ видѣла недавно, — будто иду въ степи и передо мною гора — высокая, превысокая, какъ святая гора Фаворъ. И на той горѣ вы... вы и не вы... отъ васъ во всѣ стороны длинные лучи... золотые... Вы святой, а я грѣшница, проклятая, грѣшной убиенной во грѣхѣ матери дочь... Въ монастырѣ нашемъ одна затворница старушечка была... благочестивая... Она, бывало, какъ увидитъ меня, затрясется отъ гнѣва: истребить тебя надо съ красотой

твоей съ земли, ибо будетъ чрезъ тебя соблазнъ великій... Я проклятая...

(За окномъ, во дворъ, шумъ, крики).

Т. Хлудова. Я знаю, это, должно быть, онъ скончался... Я была тамъ сейчасъ... Я просила допустить меня до него, — взглянуть на него хотѣлось, сказать ему все — всю правду, которую открываю сейчасъ. Да ужъ онъ снова въ безпамятствѣ былъ и меня не узналъ, но лицо его свѣтлое, благодное...

(За окномъ, во дворъ, шумъ, крики).

Т. Хлудова. Сейчасъ оттуда придутъ за вами, потому что онъ рассказалъ все... Пусть, пусть идутъ! Кузьма Нифонтовичъ! Кузьма Нифонтовичъ!..

К. Коростомысловъ (въ горестномъ изумленіи). Татьяна Григорьевна... Таня!..

Т. Хлудова. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ открываюсь я тебѣ. Преступникъ ты, и скоро всѣ отвернутся отъ тебя, какъ отъ прокаженнаго... Что-жъ, пойду за тобою всюду — въ Сибирь, на каторгу, на смерть... Такая доля мнѣ на роду написана...

(Звукъ шаговъ).

Т. Хлудова. Идутъ!

(Становится впереди К. Коростомыслова, словно хочетъ защитить его. Входитъ Степанъ Коростомысловъ).

Ст. Коростомысловъ (странно, — какъ бы въ забытьѣ). Братецъ, говорятъ, Никушка-то... брыкъ-брыкъ... И, ты, дѣвушка, здѣсь... (Вдругъ вспомнивъ): Ручку свою, лѣвую ручку свою покажи сюда, къ огню... Вытяни, вытяни! А теперь вотъ такъ, сожми... (Въ сильнѣйшемъ волненіи). Наотмашь, наотмашь!..

К. Коростомысловъ. Братъ, въ чемъ дѣло? Видишь, на ней лица нѣтъ!

(Хлудовъ вышелъ изъ своего неподвижнаго состоянія и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за происходящимъ).

Ст. Коростомысловъ (кричитъ). Дочь!

(Долгая мертвая пауза).

Т. Хлудова. Я слышу, — кто-то ходитъ тамъ...
вверху... Господи, пощади... пощади меня...

(Сильный порывъ бури, — словно чьи-то гнѣвъ и ярость
бьютъ въ дребезжащія окна и крышу. Слышно — то похоронное пѣніе, то вой, то бряцаніе оружія стражи. Эти
звуки нарастаютъ по мѣрѣ развитія дѣйствія).

Хлудовъ. Значитъ, это ты былъ тогда... въ
лѣсу?

(Ст. Коростомысловъ и Хлудовъ нѣкоторое
время молча смотрятъ другъ на друга).

Хлудовъ. Это тебя она любила?

Т. Хлудова. Не трогайте, — это мой отецъ!

Хлудовъ. Не бойтесь. Этого я не трону...
Злобы нѣту на этого плѣшиваго старика. (Пауза). Такъ-
съ... Ну-съ, все разъяснилось, всѣ концы vyplыли,
какъ будто въ какой комедіи. Надо и честь знать,
надо уходить... Прощайте, люди Божіи... Не обез-
судьте. Прощай, Кузьма Нифонтовичъ!

(Медленно уходить. Пауза. Еще болѣе сильный порывъ
бури. Слышно, словно гдѣ-то на берегу бушующей рѣки
валятся исполинскія деревья — съ трескомъ, похожимъ на
пушечные выстрѣлы. Вбѣгаетъ Федоръ).

Федоръ. Еще несчастье у насъ: Хлудовъ баринъ
вотъ здѣсь, на балконѣ, виситъ на шнуркѣ. Народъ
запримѣтилъ, — бѣгутъ съ фонарями...

К. Коростомысловъ. (въ тоскѣ): Почему они
не идутъ такъ долго?

Федоръ. Кто, Кузьма Нифонтовичъ?

К. Коростомысловъ. Власти...

Федоръ. Они ушли... Покойникъ Николай Сте-
пановичъ показалъ, что самъ... самъ... нечаянно...

(К. Коростомысловъ хватается за сердце и мед-
ленно опускается на стулъ).

Федоръ. Кузьма Нифонтовичъ!

Ст. Коростомысловъ (странно смѣется). Братецъ
отдыхаетъ... Онъ усталъ, плясалъ на вечерѣ...

Т. Хлудова. Тише!... Мой сонъ, мой сонъ!..

(Великая напряженная тишина).

К. Коростомысловъ. Господи, я жду суда
Твоего!

(Первые изъ любопытныхъ заглядываютъ въ дверь.
Легкій шумъ шаговъ и возгласовъ, но вдругъ все мгновенно
утихаетъ, какъ бы обрывается: народъ чувствуетъ, что пе-
редъ нимъ совершается великое таинственное страшное
событіе).

ЗАНАВѢСЪ.

1

Цѣна 1 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Т-ва „Н. П. КАРБАСНИКОВЪ“

ПЕТРОГРАДЪ
Гостиный дв., 19.

МОСКВА
Моховая, 24.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 099 661 092

HD WID